

Анатолий Анатольевич Логинов
Блицкриг Берии. СССР наносит ответный удар
Серия «В вихре времен»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12156609

Анатолий Логинов. Блицкриг Берии. СССР наносит ответный удар: Яуза, Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-81677-4

Аннотация

Смерть Сталина стала не просто трагедией для всего прогрессивного человечества, но и катаклизмом планетарного масштаба, пошатнувшим опоры мироздания. И сталинский СССР на пике своего могущества «провалился» из 1953 года обратно в 41-й, вновь оказавшись на рассвете 22 июня под ударами Вермахта и войск СС.

Но теперь гитлеровцев встречает совсем другой Советский Союз во главе с единственным достойным наследником Вождя Лаврентием Берией и совсем другая Красная Армия, овладевшая новейшей техникой и ядерным оружием, под командованием лучшего в мире офицерского корпуса, однажды уже прошедшего Великую Отечественную и получившего колоссальный боевой опыт.

Сможет ли наша Сверхдержава образца 1953 года со второй попытки разгромить Рейх «малой кровью, могучим ударом»? Где закончится БЛИЦКРИГ БЕРИИ – в Берлине, Лондоне или Вашингтоне? И как СССР вырваться из петли времени, используя ее для стремительного рывка в будущее?

Содержание

Часть 1. Мистерия войны	5
Глава 1. Когда суровый час войны настанет	5
Глава 2. На всякий ультиматум воздушный флот сумеет дать ответ	16
Глава 3. Наша служба и опасна и трудна...	28
Глава 4. Слышу голос из прекрасного далека...	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анатолий Логинов Блицкриг Берии. СССР наносит ответный удар

© Логинов А.А., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть 1. Мистерия войны

Глава 1. Когда суровый час войны настанет

(Июнь – август 1941 г.)

21 июня 1941 г. Граница Восточной Пруссии, рядом с городом Сувалки

С утра стояла великолепная солнечная погода. Суббота, 21 июня, для 12-й противотанковой роты¹ началась, как обычно, необременительными учениями и закончилась соревнованием взводов в хоровом пении с награждением отличившегося взвода бочонком пива. Офицеры строили планы на воскресенье, которое, по упорно бродившим слухам, все-таки должно было стать выходным днем. Первым выходным за прошедший месяц, в течение которого офицерские разведывательные группы обследовали границу и дороги. Для этого группы офицеров в часы вечерних сумерек подъезжали к границе до пределов видимости и слышимости, а затем пешком прокрадывались дальше. Но все надежды были грубо попораны прозой жизни – связной из штаба полка доставил вызов на вечернее совещание командиров рот у командира полка.

Все вызванные прибыли почти одновременно и недоуменно рассуждали о том, что бы это могло значить. Совещания у командира полка происходили всегда днем, в обычные служебные часы, а на вечер обычно присылались приглашения на пирушки.

Обстановка совещания была странной – командир потребовал полной тишины и говорил чуть ли не шепотом, при том что ближайшие дозоры русских пограничников не смогли бы подслушать их, ори он хоть во весь голос: их застава стояла в километре от штаба полка, за березовой рощицей. Полковник огласил приказ: немедленно поднять роты по тревоге и, соблюдая максимум осторожности, выдвинуться на приграничные исходные рубежи. Командирам рот вручили под расписку по толстому конверту из плотной коричневой бумаги, с указанием вскрыть ровно в ноль часов на своем командном пункте. Совещание завершилось не менее странно: в комнату вошел вестовой с подносом, уставленным рюмочками с коньяком. Притихшие офицеры с нарастающим тревожным ожиданием, молча, выпили и разошлись по подразделениям. Кое у кого перед мысленным взором вставал призрак Наполеона.

Двенадцатая рота, поднятая по тревоге, машина за машиной, повзводно, с погашенными фарами, выдвигалась к заданному участку. Ничего не подозревающие солдаты, зевая и пуская ветры, втихомолку костерили назойливых восточнопруссских комаров и командование, придумавшее столь изощренную форму издевательства – учения в ночь на воскресенье. Это как дать заядлому курильщику сигарету и не дать прикурить.

Установив орудия на назначенных позициях и замаскировав машины, солдаты заворачивались в плащ-палатки, пристраиваясь вздремнуть, кто где, благо ночь теплая и дождь не собирался – лето... Собрав командиров взводов, Бруно выслушал доклады и, приказав вестовому достать серебряные, с выгравированной датой, стопки, подаренные командиром полка на тридцатилетие, наполнил их из пузатой бутылки. Покуривая трофейные английские сигареты, офицеры и фельдфебели смаковали отличный французский коньяк и болтали на отвлеченные темы. Вокруг храпели солдаты, назойливый писк комаров лез в уши. В воздухе смешивались запахи бензина, прогретой земли, кожаной амуниции и оружейной смазки.

---

¹ В действительности дивизия Винцера стояла в Восточной Пруссии и при переносе по границам СССР 91-го года исчезла. Автор решил поменять ее подчинение и дислокацию, теперь она стоит вместо 6-й пехотной дивизии.

Ровно в полночь роту подняли, построили в каре и обер-лейтенант зачитал воззвание фюрера. Солдаты украдкой переглядывались, никто не произнес ни звука.

Проследив за выдачей боевых патронов, изучив с командирами взводов подробный боевой приказ с задачей на день, также лежавший в конверте, и сам, еще раз проверив готовность, Винцер, подобно большинству солдат, нервно закурил, пряча огонек сигареты в кулак и время от времени поглядывая на часы и на русскую территорию.

Оставался час до назначенного времени, когда вдруг ЭТО произошло. Непонятный звукосвет, режущий глаза, или светозвук, бьющий по ушам, заставил всех резко вздрогнуть. Кто-то начал тереть глаза, кто-то схватился за уши, а некоторые попытались одновременно сделать и то, и другое. Со стороны границы вдруг вспыхнуло все. Словно выросла из земли огненная стена. Выросла – и растворилась, разлетелась в невесомые клочки под напором ветра. Резко испортилась погода.

– Доннер... етте... крайцхаг... ноханмайль. – Внезапный, резкий и по-зимнему холодный ветер донес до обер-лейтенанта обрывки чьей-то ругани.

Усмехнувшись, Бруно поднес к глазам бинокль и... «Майн Готт!» – вырвалось у него. Вместо темной лесистой равнины с небольшой деревней слева и засеянным полем почти у самого горизонта он увидел голую равнину, покрытую снегом, с огнями в районе бывшей деревни, определенно напоминающими огни... города?

«Откуда город? И куда делись вышки пограничников? Что вообще произошло? Какой-то хитрый трюк русских?» – металась мысль в голове Бруно, пока он приказывал одному связному собрать командиров взводов и отправлял второго к командиру полка на мотоцикле со срочным донесением.

Интерлюдия

Мир изменился, и первыми это осознали немецкие солдаты передовых частей. Изменившийся ландшафт, потеря многих ориентиров и целей – все это вызвало шквал панических докладов наверх и не менее панических запросов сверху. Еще больше непонятого добавилось, когда вернулись самолеты, наносившие первый удар. Из более шести сотен бомбардировщиков и двух сотен истребителей возвратилась едва ли половина, причем части экипажей требовалась срочная психиатрическая помощь. Бившиеся в истерике «белокурые бестии» кричали об адских летающих привидениях, о внезапной гибели друзей, о неотвратимой гибели... Летчики, сохранившие голову на плечах, докладывали о летающих «трубах» со стреловидными крыльями, с огромной скоростью атаковавших их самолеты и открывших мощный пушечный огонь, новых «Ратах»² с пушками, летавших со скоростью «Фридриха»³, и необычайно точном зенитном огне.

В общем, разбор полетов занял около двух часов, и второй ударный эшелон взлетел уже тогда, когда по плану должен был возвращаться назад. Хотя это уже было неважно, так как и на земле наступление было приостановлено.

Но инерция предвоенного планирования, как всегда, одержала верх. С задержкой, после кратковременной рекогносцировки изменившейся местности, уже при светлеющем

---

² «Рата» («Крыса») – такое прозвище получил у немецких летчиков в Испании истребитель И-16. Позднее истребитель Ла-5, все сходство которого с И-16 заключалось в использовании мотора с воздушным охлаждением, получил у немецких летчиков прозвище «Новая крыса» («Нойе рата»). В данном случае имеются в виду послевоенные истребители Ла-11 и Ла-9, использовавшиеся в авиации СССР-53 в качестве ночных истребителей и истребителей дальнего сопровождения. Вооружение – три на Ла-11 и четыре на Ла-9 23-мм пушки, скорость максимальная 674 км/ч. По имеющимся данным, в ВВС было до четверти полков, на вооружении которых сохранились винтовые истребители и перехватчики.

³ «Фридрих» – истребитель Messerschmitt Bf-109F, имевший скорость до 630 км/ч и вооруженный одной 15-мм или 20-мм пушкой и двумя – 7,92-мм пулеметами. Маневренный, но слабовато вооруженный, он составлял основу истребительной авиации Германии, действовавшей на Восточном фронте. Более старых Bf-109E, вооруженных двумя 20-мм пушками и двумя 7,92-мм пулеметами и развивающих скорость в 570 км/час, было всего 450 штук.

небе, а не ночью, но немецкая артиллерия открыла огонь. Войска получили приказ наступать и, вспоминая черта, командование, свиней и... (сами можете представить, о чем говорят в таком случае далекие от политеса солдаты и офицеры фронтовых частей), приступили к его выполнению. Среди них был и командир противотанковой роты обер-лейтенант Бруно Винцер. Да-да, тот самый Бруно Винцер, автор знаменитой книги «Солдат трех армий», уцелевший в боях Восточного фронта, успевший эвакуироваться в Великобританию, а при бегстве оттуда чудом переплывший Ла-Манш и дослужившийся до генерала новой Национальной народной армии Германской Демократической Республики.

Командование решило разобраться с отсутствием связи и непонятными докладами из Пруссии параллельно с выполнением планов, начав на всякий случай передислокацию резервов к северному флангу Восточного фронта. Но уже к концу дня большинство информированных об обстановке лиц считало, что лучшим решением была бы отмена плана «Барбаросса». Однако пока наступление продолжалось, преодолевая усиливавшееся с каждым днем сопротивление русских.

Граница Восточной Пруссии, рядом с городом Сувалки

Несмотря на плотный огонь артиллерии, бьющей через границу, пусть и позднее намеченного срока, Бруно приказал головному взводу спешиться и продвигаться вперед в полной боевой готовности. Только орудие по-прежнему тянули машиной, а не катили солдаты. Группы деревьев, напоминавшие о прежней роще, хотя и голые, могли укрывать замаскировавшихся пограничников, а то и солдат, и обер-лейтенант не хотел слишком рисковать своими подчиненными. Мысль оказалась удачной, поскольку только успевшая пересечь границу цепь была встречена огнем нескольких ручных пулеметов, хорошо укрытых в группе безлиственных, но создающих неплохое прикрытие деревьев. Одна очередь повредила и тягач. Пригибаясь под огнем, солдаты пытались отцепить 3,7-сантиметровую⁴ пушку и развернуть ее для стрельбы. Несколько человек упали, убитые или раненые, и Винцер приказал спешиться второму и третьему взводам. Развернувшись в цепь, завязая в начавшем уже интенсивно таять неизвестно откуда появившемся глубоком снегу, немецкие противотанкисты пытались обойти замаскированную огневую точку русских, но были встречены огнем еще нескольких пулеметных точек. Обстрел из противотанковых пушек осколочными снарядами подавил некоторые из них. Другие постепенно замолкали сами, подавленные или покинутые оборонявшимися русскими. Немцы видели и даже обстреляли несколько отступавших русских – явно отходивший пограничный дозор, – но тем удалось скрыться. Впрочем, это мало помогло роте...

Кроме сопротивления русских, продвижение немцев задерживала и неизвестно откуда взявшаяся распутица. Машины с орудиями вязли в раскисшей грязи, отнюдь не напоминавшей шоссе, которое было обозначено на карте. Немного позже дорога нашлась, но она шла совсем не так, как показывала карта, и была покрыта щебнем и смесью тающего снега с грязью, что не сильно повышало скорость передвижения машин.

Не добравшись до городка, они были вновь остановлены, на этот раз приказом командования, и расположились на отдых в чистом поле, среди снега и грязи. Установив несколько палаток, ворча и дрожа от холода в своем летнем обмундировании, солдаты стали приводить в порядок снаряжение.

На оставленном пограничниками поле боя дозором второго взвода был найден лишь один убитый русский в незнакомого покроя форме, а самое интересное – вооруженный неизвестным, но явно автоматическим карабином. Подсчитали потери роты – трое раненых, двое убитых и разбитый тягач первого взвода. Подъехала кухня, подтянулись похоронщики, сани-

---

⁴ В Германии калибр орудий традиционно измеряется в сантиметрах.

тары и трофейщики. Только карабин так и остался у Винцера. Ему было интересно посмотреть на незнакомое оружие, внешне напоминающее виденный им мельком на полигоне автоматический карабин, испытывавшийся в 1935 году.

– Интересная конструкция, – заметил лейтенант Штейнберг, раненный в руку, но после перевязки оставшийся в роте и теперь вместе с Винцером, ротным фельдфебелем Кемпке и командиром второго взвода Плейшнером пытавшийся разобраться в трофее. Предохранитель – переводчик огня оригинальной конструкции они раскусили сразу, а вот разборка карабина заняла у них довольно много времени, пока Кемпке не нажал на защелку и не отделил крышку сложной формы, закрывающую затвор. Простая и элегантная конструкция затвора, разбирающегося без всяких инструментов, восхитила всех. Понравился и емкий секторный магазин, судя по виду вмещающий не меньше тридцати патронов. Заинтересовали всех и патроны с короткими, сантиметра четыре в длину, гильзами. Сам патрон на фоне винтовочного смотрелся коротышкой, но был несколько больше и мощнее пистолетного. Обсуждение карабина затянулось допоздна и прервалось только после артиллерийского обстрела, мощного, но, к облегчению присутствующих, неточного, и наступления ночи.

Утром же пришел новый приказ: обойти город справа, занять оборону и подготовиться к отражению возможной танковой атаки русских.

Поднятые по тревоге солдаты, разгоня накопившуюся за ночь стылость, собирали палатки. Торопливо подкатывали и цепляли пушки к тягачам, запускали и прогревали двигатели автомобилей. Сам же Винцер с несколькими солдатами и лейтенантом Штейнбергом отправился на рекогносцировку позиции. Увиденное отнюдь не придавало оптимизма. Ровное поле с несколькими небольшими рядами деревьев и оврагом, полностью залитым водой, считать подходящим для размещения роты можно было только условно. Но положение, вернее, приказ обязывал, и, тяжело вздохнув, Винцер принялся распределять позиции взводов, чьи машины уже приближались.

– Заметили, господа, а ведь поле-то вспаханное? И похоже, что деревья посажены специально, – заметил лейтенант Штейнберг. – Но для нас это хорошо. Вряд ли танки смогут пройти по центру этой грязевой равнины.

– Точно, – подтвердил Винцер. – Делаем так... КП оставляем здесь, на пригорке. Двумя взводами перекрываем дорогу, а твой взвод, Рудольф, поставим за оврагом, пусть на всякий случай следит за полем. И поспешите, бой приближается. Калибр, судя по звуку, немаленький. Неужели тяжелые танки?

Действительно, грохот тяжелых орудий накатывался все ближе и ближе.

– Свяжи-ка меня со штабом, – обратился он к радисту.

– Попросим поддержки дивизионной артиллерии? – спросил Штейнберг.

– Если удастся. А еще бы лучше авиации. Только что-то ни одного из этих асов не видно уже второй день.

– Да уж. Как пиво пить – так они первые, а в бою их не дождешься. Ладно, побежал к взводу. – Штейнберг повернулся и, торопясь, пошел к машинам своего взвода.

Гремевшая канонада вдруг резко смолкла. Видимо, кто-то кого-то прищучил. Русские передовой отряд, или отряд их. Понимая, что времени остается все меньше, противотанкисты спешно готовили позиции, укрывая маленькие приземистые пушечки среди голых деревьев, роя окопчики, устанавливая пулеметы. То один, то другой солдат украдкой бросал взгляд на прикрытое следующей группой деревьев поле и дорогу. Вдруг что-то громко загудело в небе, и все дружно подняли головы. Над равниной с ревом быстро пронеслась тройка странных, крестообразных в плане самолетов. Исчезнув из виду, они неожиданно появились сзади, уже на меньшей высоте, и обрушили на еще плохо замаскированные пушки и солдат град бомб. Близкий взрыв приподнял Винцера над землей. Он успел еще заметить, как приближается к нему смесь грязи и камней, как горит его машина и падает радист, пытаясь

руками достать вонзившийся в спину осколок... Удар о землю выбил остатки воздуха из легких Бруно, и на этом бой для него закончился.

Уже в госпитале он узнал, что даже без авиационного удара его рота была обречена, так как противотанковые 3,7-сантиметровые пушки вообще не пробивали броню новых русских танков. Его вывезли на машине первого взвода, оказавшегося в стороне от удара русских благодаря оврагу. Остальные же два взвода, понесших потери от русских бомб, были буквально раскатаны в блин подошедшим танковым батальоном русских. Самое главное, что, покончив с ротой, танки русских, сопровождаемые еще и пехотой на бронетранспортерах, отошли. Похоже, они всего лишь проводили разведку боем...

5 марта 1953 г. Подмосковье, «Ближняя дача»

Булганин с Хрущевым в очередной раз дежурили на даче больного Сталина. Если не считать каких-то непонятных световых эффектов среди ночи, все прошло спокойно. Немного поговорив о необычных ощущениях, но так и не разобравшись, что же произошло, они продолжили разговоры об ожидавшихся изменениях из-за тяжелой болезни Хозяина.

В это время охранники вызвали Булганина к телефону. Вернувшись, взволнованный Булганин сообщил о налете по всей западной границе самолетов неизвестного противника и пропаже связи с группами войск и посольствами за границей. Поэтому он вынужден ехать в Военное министерство, а на дачу собираются Маленков, Берия, Молотов, Каганович и Ворошилов.

В этот же момент дежурный врач вбежал в комнату и сказал, что товарищу Сталину стало хуже. Булганин не стал уезжать, перезвонил в Военное министерство и, дав указание действовать по обстановке, остался ждать остальных. Пока все собрались, Иосифу Виссарионовичу стало еще хуже. Медики сказали, что началась агония. Прекратилось дыхание, попытки искусственного дыхания и стимуляции сердца не помогали. Хрущев, уверявший всех, что ему жалко Сталина, попросил:

– Послушайте, бросьте это, пожалуйста. Умер же человек. Чего вы хотите? К жизни его не вернуть.

Как только стало окончательно ясно, что Сталин умер, Берия и Булганин сели в машины и уехали в Москву. Оставшиеся, обсудив ситуацию, решили собрать всех членов Бюро.

Тем временем Хрущев попробовал поговорить с Маленковым:

– Егор, надо побеседовать.

– О чем? – холодно спросил Маленков.

– Хозяин умер. Опять началась война. Как дальше будем жить?

– А что сейчас говорить? Съедутся все, и будем решать. Для этого и собираемся.

– Ну ладно, – ответил Хрущев, мысленно занося Маленкова в список сторонников Берии. – Поговорим потом.

Хрущев исподволь, с момента болезни Сталина пытался собрать команду сторонников, чтобы не допустить прихода к власти Л. П. Берии, которого он ненавидел и боялся. А заодно, естественно, и самому занять вершину властной пирамиды. Эх, как же он тогда отомстит всем, кто видел его унижение перед Сталиным, за страх перед арестом, за постоянное нервное напряжение...

Необычная обстановка, ожидаемое, но все равно внезапное известие о смерти Сталина, слухи о новой войне заставили всех членов Бюро поспешить. Встретив и проводив Светлану, быстро простившись с покойным, они собрались в столовой дачи для заседания. Инициативу взял в руки Берия, предложивший назначить председателем заседания Бюро Маленкова, который сразу же снова передал слово Лаврентию Павловичу. Берия тут же выступил с предложением назначить Маленкова председателем Совета Министров СССР с одновремен-

ным назначением его председателем воссозданного Государственного комитета обороны и с освобождением от обязанностей секретаря ЦК партии. После единогласного утверждения Маленков выдвинул два предложения: утвердить первым заместителем в обоих случаях Л. П. Берия, назначив его же министром государственной безопасности. Берия сразу внес предложение из-за сложившейся чрезвычайной ситуации объединить МВД и МГБ. Все эти предложения прошли единогласно. Хрущев и Булганин молча переглядывались, чувствуя, что власть буквально ускользает между пальцев. Дальше дележка портфелей пошла еще быстрее. Молотова назначили первым замом предсовмина и министром иностранных дел. Кагановича – просто заместителем. Ворошилова предложили избрать председателем Президиума Верховного Совета СССР, освободив от этой должности Шверника, которого, как сказал Берия, никто в стране не знает. В ГКО вошли Берия, Булганин, Ворошилов, Маленков, Молотов, Микоян, Хрущев. Хрущев же стал одним из секретарей ЦК, а вот должность секретаря Московского ЦК ему не оставили.

В конце заседания рассмотрели порядок извещения о происшедшем. Было решено, что с сообщением о смерти Сталина и о нападении выступит председатель Совета Министров Маленков, а похороны будут проведены позднее. Берия предложил вернуться в Москву и провести заседание ГКО, вызвав на него дополнительно начальника Генштаба маршала Соколовского и начальника ГРУ генерала Шалина.

Оставив ответственным за подготовку к похоронам Хрущева, члены ГКО уехали в Москву. Перед этим Берия, собрав свободных охранников, провел с ними инструктаж.

Несколькими днями позднее. Берлин. Кабинет Гитлера

Поправив монокль, Кейтель, высокий и стройный, безукоризненно выбритый и в отлично сидящем мундире, выглядящий настоящим воплощением армейского «орднунга»⁵, продолжил доклад:

– Выяснилось, что ранее установленные разведкой места расположения аэродромов, войск и погранзастав русскими изменены. Неожиданным оказалось также упорное сопротивление русских с применением неизвестных видов оружия. Из войск приходят донесения о пехоте, поголовно вооруженной ручными пулеметами, о легких ручных противотанковых гранатометах, пробивающих любую броню панцеров, о мощных орудиях в составе передовых отрядов русских, о неуязвимых скоростных танках с пушками калибра не менее девяти сантиметров. Кроме того, отнюдь не оправдались предвоенные прогнозы о низкой тактической подготовке русских. Согласно докладам, они действуют весьма умело, а некоторые офицеры даже отмечают наличие у командования противника боевого опыта, не уступающего немецкому. Еще одним фактором, снижающим продвижение войск, является внезапная метеорологическая аномалия в виде распутицы на всей территории, атакованной нами. Продвижение войск из-за всех этих причин минимально и намного уступает планируемому. Особенно тяжелая ситуация складывается на северном участке фронта. Нет связи с группой армий «Север», за исключением некоторых резервных дивизий. Не отвечают также части флота и авиации, дислоцированные в том районе. Посланные офицеры связи и разведчики, сумевшие вернуться, докладывают невероятное – они встретили пограничников и войска в не виданной ранее, но, несомненно, русской форме. А воздушная разведка вообще не смогла пробиться в тот район из-за противодействия авиации русских. По радио доложили только о внезапно налетевших истребителях со стреловидными крыльями. Положительный фактор только один: русские пока ничего не предпринимают и можно спокойно перебрасывать наши резервы. Есть предложение также перенацелить в этот район часть корпусов Девятой армии. Плохие новости и от генерала Диттля. Выдвигаясь по плану в район Петсамо для дальней-

---

⁵ Порядок (нем.).

шего наступления на Мурманск, его егеря вместо дружественных финских войск встретили опять же вездесущих русских пограничников. – Кейтель замялся, не торопясь продолжать свой доклад.

– Продолжайте, генерал, – голосом, в котором явно чувствовались признаки надвигающейся грозы, поторопил его Гитлер.

– Поступили первые донесения о полученных от пленных сведениях. Отмечается, что все пленные одеты в неизвестный вариант русской формы. Но самое главное, – было видно, что Кейтель тянет время, – самое парадоксальное... все они считают, что идет не сорок первый, а пятьдесят третий год и что Германия была разбита в сорок пятом году.

– Что еще? Больше вы ничего не хотите добавить? – спросил уже откровенно злым голосом Гитлер.

Кейтель замялся, и это окончательно вывело Гитлера из себя. Он буквально взорвался. Такого не видел еще ни один из присутствующих на совещании. «Фюрер и рейхсканцлер германской нации» орал, как простой солдафон. Многие употребленные им эпитеты были в новинку даже генералу Гальдеру. Если перевести все сказанное на язык родных осин, то Гитлер называл идиотами, полными дебилами и вообще свинскими собаками Гимmlера, Геринга, Удета, Кейтеля, а заодно Гальдера, а затем и всех, кто попался ему на глаза. Канариса он и вовсе приказал немедленно арестовать и повесить на рояльной струне за систематическую дезинформацию, поступавшую от абвера. Герингу досталось за неспособность люфтваффе что-нибудь сделать против новых истребителей и бомбардировщиков русских, Удету – за недооценку работ по реактивным истребителям, а остальным просто за компанию и за неправильную оценку русских сил...

– Вы что, принимаете меня за полного идиота? Почему скрываются факты, почему показания пленных доложены не полностью? Надеетесь, что я ничего не узнаю? – кричал Гитлер.

Кейтель успел заметить промелькнувшую на губах Гимmlера усмешку. Теперь он понял, что этот хитрец уже успел все доложить фюреру. Внезапно наступила тишина, слышно было только, как под кем-то поскрипывает стул. Гитлер, спокойный, словно ничего не случилось, продолжил:

– Необходимо срочно установить связь с англичанами и американцами. Пусть выдвигают свои требования, пусть торгуются. Я согласен пойти даже на переговоры с еврейскими плутократами, лишь бы создать единый фронт против большевистской угрозы. Потому что из всего, что тут наплели нам военные, следует только одно – долго против большевиков мы не устоим. Затем они разберутся и с остальными... Риббентроп, вам все ясно? Срочно ищите контакты! Впрочем, пусть, кроме вас, этим займутся и люди Гимmlера. Обещайте все что угодно, потом разберемся... Да, и пригласите ко мне после совещания японского посла.

Затем началось обсуждение текущих военных вопросов: какие части куда перебросить, что можно снять с оккупированных территорий в Европе, какие требуются изменения в планах выпуска вооружений...

Совещание, к большой радости присутствующих, закончилось на вполне спокойной, деловой волне. Вот только Канарис не мог этому радоваться, так как Гимmlер, ловко воспользовавшись словами Гитлера, немедленно приказал его арестовать. Поэтому теперь на Принц-Альбрехт-штрассе дюжие следователи уже выбивали у него признание в шпионаже и подрывной работе на пользу мирового еврейства, жидомасонских большевиков, а заодно и английской разведки. Выбили бы и признание, что он гондурасский шпион, но Гондурас пока никого в мире не беспокоил.

Генерал-губернаторство (Польша). Анабазис госпиталя

В госпитале было неплохо, только вот долго побыть на одном месте не удалось. Из-за опасности прорыва большевиков госпиталь эвакуировали под Варшаву. Бруно, хотя последствия контузии еще сказывались, от чего он несколько раз даже терял сознание, пытался вернуться в строй. Но главный врач госпиталя доказал ему как дважды два, что в нынешнем его состоянии в бою он будет скорее обузой. Пришлось Винцеру погрузиться вместе с другими ранеными в эшелон и под свист паровоза отправиться на запад, в то время как его боевые товарищи продолжали биться на востоке с накатывающими азиатскими ордами большевиков. Госпитальный состав шел медленно, часто останавливаясь на полустанках, пропуская эшелоны войск с запада и пережидая восстановление путей после русских бомбежек. Частенько станции, на которых он останавливался, напоминали руины – здесь побывали русские бомбардировщики, уже прозванные солдатами «Фляйшер»⁶. Именно такие бомбили и его роту. По госпиталю ходили о них разные слухи. Поговаривали, что двигатели на них без винтов, что вооружены они какими-то суперпушками, а главное, несут огромную бомбовую нагрузку и практически неуязвимы как для истребителей, так и для зениток. Говорили, что за один сбитый бомбардировщик такого типа обещано три тысячи марок, которые пока так никто и не получил.

Еще более страшные слухи ходили о новых русских танках. Подбить их удавалось только из «ахт-ахт»⁷ или тяжелых корпусных пушек. Причем русские воевали весьма хитро, действуя обычно из засад, применяя контратаки накоротке, передвигаясь на больших скоростях и умудряясь вести точный огонь на ходу. Лежавший в одном купе с Бруно раненый офицер-танкист Гюнтер Кюбель уверял, что пушки этих танков калибром не менее 88 мм и, по-видимому, стабилизированы. Он рассказывал, что немецкие конструкторы тоже пытались создать такие приборы, но пока ничего путного не получается.

Последствия контузии уже почти исчезли, а вялое передвижение поезда до того надоело Бруно, что он уговорил начальника госпиталя выписать его. Получив документы и распрощавшись с Кюбелем, Винцер вышел на первой же станции.

Опять судьба хранила его, потому что прибывший в Варшаву госпитальный поезд попал под грандиозную ночную бомбежку. Русские тяжелые бомбардировщики подошли к Варшаве на почти недостижимой для истребителей и зениток высоте в двенадцать километров и сбросили фугасные и зажигательные бомбы, стремясь разрушить Варшавский железнодорожный узел. Согласно подсчетам экспертов, их было не менее шести сотен, и прилетали они несколькими волнами. Сброшенные бомбы разлетелись на большой площади, но в основном накрыли районы маневрирования поездов, и на путях воцарился огненный филиал ада. Несколько эшелонов с боеприпасами и горючим, вагоны с солдатами и лошадьми, паровозы и пристанционные постройки – огонь не пощадил ничего.

Хорошо, что пока обер-лейтенант Винцер ничего не знал о будущем и, с легкой душой простившись с госпиталем, отправился на поиски своей дивизии.

Прибалтика. Район обороны 12-й пехотной дивизии. «Лифляндский котел»

До дивизии Винцер добирался довольно долго. Оказалось, что она вместе с несколькими другими дивизиями Девятой армии и Третьей танковой группы обороняет так называемый Лифляндский котел. Полуотрезанная группировка немецких войск сдерживала атаки

---

⁶ «Фляйшер» («Мясник») – Ил-28 известен в западных военных изданиях под кодовым названием «Батчер» («Мясник»). Скорость до 900 км/ч, вооружение две 23-мм пушки в носу, спаренная подвижная установка 23-мм пушек в хвостовой части фюзеляжа, 1000–3000 кг бомб, дальность полета 2400 км.

⁷ «Ахт-ахт» – знаменитые немецкие 88-мм зенитки «обр. 18». Приняты на вооружение в 1933–1934 гг., а «образцом 18» названы для успокоения западных контролеров, на запросы которых о создании новых видов вооружений немцы, формально соблюдающие ограничения Версальского договора, могли смело отвечать, что это орудия периода Первой мировой войны. Оказались весьма неплохими противотанковыми орудиями. Вот только было их на Восточном фронте в 1941 г. всего чуть больше полутораста штук. Кроме того, броня средних танков Т-54 и тяжелых ИС ее снарядами не пробивалась.

русских из северной части Восточной Пруссии и Прибалтики. По рассказам попутчиков Бруно узнал, что командует русскими какой-то маршал Баграмян, кавказец по национальности, и что воюют они грамотно и упорно. А вот группировка с правого фланга воевала тактически слабее и была вооружена вполне сопоставимым с немецким оружием. Поэтому немцам удалось ее полуокружить.

Прибыв в дивизию, Бруно получил под командование противотанковый батальон, состоявший всего из двух рот, созданных на базе остатков его роты и рот 6-й пехотной дивизии, уцелевших во время катаклизма 22 июня. Вооружение батальона было очень сильным, обе роты имели по двенадцать 5-сантиметровых противотанковых пушек. Командовавший первой ротой лейтенант Штейнберг рассказал, что часть пушек была из 6-й дивизии, а часть из разбитого авианалетом русских эшелона с пополнением для 26-й дивизии.

Рассказал Штейнберг и о русских танках. Большинство из них имели пушку в 8,5 сантиметра и броню корпуса в пять сантиметров, расположенную под рациональным углом наклона. Но самыми опасными были тяжелые танки двух образцов – одни имели 12-сантиметровую пушку и броню до двадцати сантиметров, но их скорость была ниже, чем у немецких «троек». Другие, встречающиеся в небольших количествах, вооруженные пушкой калибром не менее десяти сантиметров в плоской, хорошо защищенной башне, имели еще и большую скорость. В ответ на рассказ Винцера о сверхточной стрельбе русских танкистов и стабилизированных орудиях Штейнберг только рассмеялся и объяснил, что все это ерунда и никаких стабилизированных орудий у русских нет. У страха глаза велики, поэтому и появились такие рассказы. Он лично вместе с несколькими офицерами осматривал подбитый зениткой русский танк и слышал допрос русского танкиста. Тот назвал марку танка – Т-34-85 и свое подразделение, а затем замолчал. Штейнбергу он напомнил англичан, взятых в плен в Бельгии, высокомерных, молчаливых и уверенных в своей грядущей победе. Но в отличие от последних русский отнюдь не был спокоен, а наоборот, смотрел на всех с ненавистью и, только когда имитировали его расстрел, выкрикнул, что один раз они фашистов разбили и второй раз разобьют.

Дольше всего они обсуждали русскую авиацию. Вездесущие русские бомбардировщики «Фляйшер» гонялись за целями в тылу и сильно досаждали на фронте. Даже без сопровождения они не боялись немецких истребителей, впрочем, весьма немногочисленных и убывающих с каждым днем. Единственной защитой от них был огонь зениток. Винцер пересказал разговор с офицером люфтваффе, которого повстречал в дороге. Оказывается, русские неустанно и целеустремленно бомбили аэродромы, уничтожая самолеты и повреждая взлетные полосы. В итоге потери люфтваффе на земле превосходили потери в воздухе. Штейнберг, в свою очередь, рассказал о русских штурмовиках «Айзерне Густав»⁸, поддерживающих каждое наступление русских. Бронированные одномоторные самолеты засыпали позиции артиллерии мелкими бомбами и реактивными снарядами, нанося большие потери. В конце разговора оба согласились, что русские оказались неожиданно трудным противником и война наверняка затянется.

Заснули они под грохот дежурной русской бомбардировки – пролетавшие над линией обороны «Фляйшеры» сбросили несколько десятков мелких бомб на какую-то цель.

«Лифляндский котел». Польское генерал-губернаторство

---

⁸ «Айзерне Густав» («Железный Густав») – согласно встречающимся в немецких мемуарах сведениям, немецкое прозвище штурмовика Ил-2. В данном случае имеется в виду его улучшенный вариант Ил-10 или Ил-10М – бронированный штурмовик с бомбовой нагрузкой в 600 кг, 4 пушками 23-мм в крыле и турельной установкой 12,7-мм пулемета (или турельной пушки 20-мм на Ил-10М).

После начала наступления русских от батальона Винцера осталось чуть больше роты. 5-сантиметровые пушки оказались не намного эффективнее против танков русских, чем прозванные «колотушками» 3,7-сантиметровые.

Снабжение оказавшихся в котле войск пытались наладить с помощью «воздушного моста» люфтваффе, но русские регулярно охотились за транспортными самолетами и лишь отдельные счастливицы проскакивали их заслоны. Становилось ясно, что долго окруженные не продержатся. В то же время в Берлине началась заварушка, связанная с гибелью фюрера. Дравшимся между собой не на жизнь, а на смерть за власть заговорщикам стало не до войск, тем более таких, которые вместо поддержки сами требуют помощи. Осознав ситуацию, командующий окруженной группировкой генерал Гот приказал прорываться на Запад. Пока русские еще недостаточно укрепили внутреннее кольцо окружения, из котла сумели вырваться посаженные на автомобили и танки, заправленные остатками горючего, небольшие части немецких войск. Среди них оказались и остатки противотанкового батальона Винцера.

Бруно, оценив обстановку, приказал двигаться проселками, избегая населенных пунктов. Это решение спасло батальон и присоединившиеся к нему две пехотные роты. Имея три бензозаправщика, которые они прихватили на разгромленном русскими аэродроме, и несколько десятков грузовиков, они сумели проскочить в промежутке между первым и вторым эшелонами наступающих русских войск и через разрыв в их построении выйти ночью к своим. Во время марша группа Винцера потеряла несколько машин, разбомбленных и расстрелянных с воздуха русскими штурмовиками, и еще несколько – во время столкновения с отрядом вооруженных польских партизан и во время прорыва через разрыв в русском фронте.

Радостные и довольные солдаты группы Винцера, вышедшие к своим, обнаружили, что на наспех оборудованных позициях оборону держит прибывшая из Бельгии 227-я пехотная дивизия. Часть противотанковых рот дивизии была перевооружена вновь поступившими 7,5-сантиметровыми противотанковыми орудиями, имелись «противотанковые» самоходные установки – 4,7-сантиметровые бельгийские легкие установки с незначительным боезапасом и противопульной броней. Минометное вооружение представляло собой набор из бельгийских и французских образцов. На вооружении артиллерийского полка, по словам офицеров, состояли польские, чешские и немецкие гаубицы.

Пехотинцев командир полка сразу же определил в строй, а оставшихся артиллеристов Винцера направил в штаб дивизии. Небольшая колонна с единственным уцелевшим 5-сантиметровым орудием отправилась в тыл под прикрытием пары броневиков «Пежо-178». На вопрос Бруно, зачем им еще и броневики, командир полка Отто фон Кнобельсдорф ответил, что впереди наступающих русских войск действуют группы диверсантов. Оказывается, в каждой русской армии имелаась специальная рота, предназначенная для разведки и диверсионных действий в тылу противника. Вооруженные автоматическими карабинами, ручными пулеметами, гранатометами, снайперскими винтовками, минами и бесшумным оружием, они наводили авиацию на штабы и склады, минировали дороги, уничтожали небольшие колонны немецких войск. Обычно они действовали в глубоком тылу, но, поскольку сейчас все перемешалось, вполне можно было наткнуться на них и вблизи передовой. Поэтому командир дивизии приказал сопровождать все колонны броней, благо в дивизии был целый отряд голландских и французских броневиков.

Итак, небольшая колонна в сопровождении броневиков добралась к утру до штаба дивизии, благополучно избежав налетов и русской авиации, и русских диверсантов. Командир дивизии, высокий сухощавый пруссак, генерал принял Винцера радушно и предложил ему должность заместителя командира противотанкового дивизиона. Генерал заметил, что ему как раз очень не хватает опытных артиллеристов-противотанкистов и прибытие Вин-

цера с пополнением весьма кстати. Дивизион в его дивизии был усилен по опыту войны и включал: две роты самоходок – одну 4,7-сантиметровых бельгийских и одну 4,7-сантиметровую на базе Pz-I, две роты 7,5-сантиметровых и 4,7-сантиметровых противотанковых орудий и роту 8,8-сантиметровых зениток. Такой пестрый, но мощный состав, заметил командир дивизии, позволит успешно бороться с русскими Т-34. Бруно промолчал, не желая разубеждать оптимистически настроенного генерала.

Получив завтрак, показавшийся Бруно и его солдатам после лишений окружения райским, они отправились в расположение штаба противотанкового дивизиона. Дорога проходила через густой лес, и, несмотря на сопровождение броневика, русские диверсанты все же напали на них. Подбив идущий впереди бронеевтомобиль из противотанкового гранатомета, они обстреляли сгрудившиеся автомобили из установленных в лесу немецких же пулеметов МГ-34. Как только немцы открыли ответный огонь, они скрылись в чаще, бросив пулеметы. Потери были велики – бронеевтомобиль, несколько сгоревших автомобилей, убитые и раненые. Поймал две пули и Бруно Винцер. И опять война сменилась для него белыми стенами госпиталей, которые к тому же эвакуировались все дальше и дальше на запад. В результате Бруно оказался в Бельгии как раз в тот момент, когда командовавший войсками в Бельгии генерал фон Фалькенгаузен, присоединившись к заговорщикам, объявил о перемирии с англичанами и призвал их «помочь в построении новой, подлинно дружественной Германии, борющейся против мирового коммунизма». По приказу генерала Фалькенгаузена все военнослужащие, находящиеся в Бельгии, сводились в армейскую группу вермахта «Запад». Переброшенные в Бельгию войска армии резерва, выздоравливающие из госпиталей и командированные в Бельгию армейцы также должны были подчиняться командованию армейской группы.

Глава 2. На всякий ультиматум воздушный флот сумеет дать ответ

(Март/июнь 1953/41 г.)

5 марта. Аэродром «Береза», 927-й истребительный авиаполк

Старший лейтенант Петр Логичев любил летать, но хорошо выспаться любил не меньше. Именно поэтому он был страшно зол, когда в половине третьего утра его разбудило нечто непонятное. Неужели опять что-то сотворил хозяин квартиры? Но до Петра быстро дошло, что вокруг, если не считать шепота за стенкой, где спали хозяева, все тихо и обычно. Он уже собирался уснуть снова, когда расслышал отдаленный рев сирены. Дом, в котором Петр снимал комнату, стоял практически на окраине городка, недалеко от гарнизона и аэродрома, поэтому ночью, когда звуки разносятся далеко, тревожные гудки сирены слышались вполне отчетливо. Еще раз выругавшись, Петр вскочил с кровати, плеснул в ладони воды из кувшина на столе, ополоснул лицо. Умываться некогда, сирена гудит уже, наверное, больше минуты, а такой гудок означает, что тревога боевая. Боевая... Петр приостановился.

«Неужели опять война? Всего-то восемь лет прошло с той, страшной и тяжелой, только начали жить по-человечески, и снова». Мысли приходили и уходили, а руки между тем продолжали делать привычную, доведенную до автоматизма, работу: одеться, нацепить портупею, кобуру, пистолет проверить, тревожный чемоданчик в руку, фуражку на голову. Все, посыльного ждать некогда, пора бежать. В коридор из соседней комнатухи выглянули полуодетые испуганные хозяева.

– Что-то случилось, Петр Петрович? Что-то сирена долго гудит, а перед ней что-то грохнуло, – переполошился хозяин.

– Да что вы, обычная учебная тревога, – соврал Петр. – Нас предупреждали.

Хозяева, по лицам видно, не убежденные, но слегка успокоенные, покивали, соглашались.

– Счастливо! Побежал, – сказал Петр, просачиваясь в дверь.

Он бежал к месту сбора, приветствуя знакомых летчиков и техников, бежавших в одном с ним направлении и на ходу пытавшихся разобраться, что случилось. Никто ничего не знал. Большинство, так же как и Петр, проснулись от непонятных ощущений за несколько минут до тревоги и теперь были готовы ко всему. Понятно, что империалисты никак не успокоятся, война в Корее полыхает вовсю, возрождается западногерманская армия, американцы грозят атомной бомбой. Но все это уже успело стать привычным, и никак не верилось, что кровавая, но победоносная война никого ничему не научила.

Трясаясь в битком набитом офицерами автобусе, Петр вспоминал чью-то фразу о том, что история повторяется дважды – сначала как трагедия, а потом как фарс. «На что надеется агрессор? Атомное оружие есть и у нас, наши сухопутные войска сильны и могут дойти до Ла-Манша. Надеются отсидеться за океаном? Нет уж, не получится. Рассказывают, у нас теперь появились и проходят испытания сверхдальние и сверхтяжелые бомбардировщики, ничуть не хуже их «Миротворцев» Б-36».

Автобус подъехал к высоте, прервав размышления Петра. Вместе с другими летчиками он побежал переодеваться в летный комбинезон и получать кислородную маску. Но только оказавшись в кабине, Петр окончательно успокоился. Как всегда, стоило закрыть фонарь и подключиться к радиостанции, время замедлило свой бег. По полученным указаниям выходило, что через границу на высоте восемь-девять тысяч метров пытались пролететь винтовые бомбардировщики в сопровождении таких же истребителей. Теперь первые из них атакованы летчиками дежурного звена, несколько сбито, а первая эскадрилья должна

добить наглого агрессора. Интересно, что бомбардировщики летят с очень малой скоростью, а их оборонительное вооружение, кажется, состоит только из пулеметов. Ничего, взлетим, увидим, разберемся...

В полку всего лишь треть летчиков имела достаточный налет для ночного боя и почти все они служили в первой эскадрилье. Именно поэтому командир полка, полковник Нестеренко, опытный летчик, успевший хлебнуть боев конца Великой Отечественной, поднял в воздух только ее.

Заняв свое место в строю эскадрильи, Петр и его ведомый, лейтенант Звягинцев, услышали привычный голос «бати», необычно злой и отрывистый. Командир, оставшийся на КП, передал, что сбит старший лейтенант Кулаков, самолет капитана Мисюркина поврежден, и он был вынужден выброситься с парашютом.

– Поэтому приказываю в бой на горизонталях не ввязываться, нанести «соколиный удар» и действовать строго по схеме три, – закончил командир.

Несколько томительных минут полета, и вот на фоне земли стали видны подсвеченные лунной силуэты огрызающихся огнем вражеских бомбардировщиков. Засмотревшись, Петр чуть было не пропустил команду на атаку.

Первый бой – он трудный самый. Может, это и так, но для Логичева в происходящем не оказалось практически ничего нового. Спикировав на отворачивавшие назад самолеты врага, он привычно, как на тренировках, дождался совпадения метки прицела с целью – силуэтом бомбардировщика и слегка нажал на гашетку. Короткая очередь из двадцатитрех- и тридцатисемимиллиметровых снарядов, выдавая себя мелькнувшими огоньками трассеров, воткнулась в цель, вызвав вспышку взрыва. Все это очень напоминало привычные стрельбы по буксируемой мишени, разве что мишень была большего размера и пыталась огрызаться пулеметным огнем. Впрочем, рассмотреть все подробнее он уже не успел, услышав в радиии крик ведомого: «Слева!» Спасла его небольшая ошибка и выполненный выход из пике. Так как двигатель стоял на крейсерском режиме, Петр для набора высоты вынужден был резко перевести его на максимум, самолет просел, и очередь противника проскочила впереди и чуть выше «мига». Тут же свалив самолет влево, Петр чуть не напоролся на очередь ведомого. Почти невидимый в темноте силуэт вражеского винтового истребителя скрылся в огненном шаре взрыва – видимо, в него попал тридцатисемимиллиметровый снаряд, а может, и не один. «Миг» Петра вздрогнул от столкновения с несколькими обломками, но продолжал слушаться рулей, да и движок, несколько раз чихнув, продолжил свой ровный гул. Перейдя в набор высоты и дождавшись тишины в радиии, Петр передал напарнику:

– Спасибо.

А в радиии то и дело слышны были короткие возгласы:

– Справа!.. Прикрой, атакую!.. Семь, семь, семь!

Последнее означало, что кого-то подбили и он пытается выйти из боя и выброситься с парашютом. Да, уроки «бати», жестко требовавшего в мирное время соблюдать радиомолчание и дисциплину переговоров, на что часто обижались молодые лейтенанты, здорово выручало сейчас.

Набрав высоту и сориентировавшись, Логичев с напарником устремились вслед медленно отходящему на запад остатку эскадрильи противника. Догнав ее, они снова спикировали, обстреляв и сбив еще один бомбардировщик. Перейдя в набор высоты, Петр услышал команду на прекращение боя и развернулся в сторону аэродрома.

Краткость боя и стремительное отступление противника удивили Петра, но только позднее он узнал причины. Для первого удара по аэродромам немцы выделили всего 639 бомбардировщиков и 231 истребитель, которые должны были на большой высоте, незаметно для средств наблюдения 41-го года перелететь границу и нанести внезапный удар по спящим аэродромам. Внезапное же столкновение с истребителями и большие потери вынудили нем-

цев беспорядочно сбросить бомбы и возвращаться. В то же время советское командование, понимая трудности ведения боя ночью, при первых же признаках отступления атакующих вернуло истребители на аэродромы.

Только зарулив свой «бортовой пятнадцать» на стоянку, Петр понял, как он устал. С трудом выбравшись из кабины с помощью техника, Логичев, дождавшись ведомого, едва переставляя ноги, отправился к поджидающему летчиков тягачу. Там их уже ждали летчики, севшие раньше комэска, и несколько летчиков второго звена. Все были усталые и в то же время возбужденные закончившимся боем. Подобрал летчиков, автобус отъехал к высотке, а на стоянке остались техники, поспешно готовившие самолеты к новому вылету, перезаряжая пушки, ремонтируя и заправляя самолеты. Полк готовился к любым неожиданностям войны...

Повторный налет, уже днем, полк встретил во всеоружии. Одна за другой эскадрильи по сигналу поднимались в небо и занимали место в строю. Вторая – ударная, третья – прикрытия, первая – резерв. Четвертая, самолеты которой стояли в дежурном звене, сегодня играла роль главного резерва, оставаясь пока на аэродроме. С противником ясности так и не прибавилось. Многие летчики успели засечь знакомые по фильмам кресты, самолеты напоминали те, что они с детства видели на рисунках, в кино, а многие и вживую: «хейнкели», «мессеры» и «юнкерсы». Но откуда они взялись сейчас, да еще в таком количестве? Впрочем, особо над этим никто не задумывался – есть коварный враг, неведомым путем прорвавшийся через группы войск и союзников, и его надо бить.

Во второй вылет Петр пошел уже на другом самолете. Выяснилось, что двигатель, чудом донесший «пятнадцатый» до аэродрома, наглотался обломков, и сейчас бригада техников меняла его на новый. Вообще потери были на удивление малы: несколько самолетов и два погибших летчика. Первым погиб летчик дежурного звена, старший лейтенант Кулаков, уравнивший скорости в попытке идентифицировать вражеские самолеты. Поэтому командир еще раз напомнил, что винтовые самолеты имеют лучшую маневренность и бить их надо только на вертикалях.

Над равнинами Белоруссии развернулись ожесточенные воздушные схватки. Неведомый враг, которого уже многие начали называть привычно фрицами, стремился прорваться к аэродромам, городам и военным городкам. Ему противостояли истребители военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны страны, а также зенитчики.

927-й истребительный столкнулся с вражескими самолетами практически над Кобрином. Шедшие строем троек бомбардировщики и не менее эскадрильи истребителей. Теперь, при дневном свете, было ясно видно, что летят именно «мессеры» и «юнкерсы». Характерные силуэты и замеченные позднее опознавательные кресты не оставляли места для сомнений.

Атака второй эскадрильи, фрицы пытаются прикрыть бомбардировщики своими истребителями, и тут на них обрушивается третья... Пришлось принять участие в бою и первой, так как фрицы вызвали подмогу и со стороны Кобрин появилась новая эскадрилья истребителей. С ней и столкнулась первая эскадрилья. Петр уже привычно свалил «миг» в пике, атакуя пару «мессеров» с тыла. Те попытались ускользнуть и попали под огонь второй пары звена. Один самолет сразу развалился в воздухе, второй, поврежденный, задымил и ушел куда-то вниз. Опять набор высоты, новая атака. Промых. «Черт, сколько же можно?» Эти летчики, сразу видно, поопытней, маневрируют всюю, стараясь ускользнуть от «мига». Впрочем, это им не помогло. Все-таки летящий на скорости 700–800 километров в час «МиГ» и пытающийся маневром уйти от него на скорости всего 350–400 километров «мессер» – огромная разница. Вот сейчас, спикировав третий раз, Петр смог спрогнозировать, куда рванет фриц, и нанес ему точный удар. Огненное облако – и... патроны кончились. Увлечшись атаками, Петр не заметил, как расстрелял весь боекомплект. Пришлось выходить

из боя, причем второй истребитель, который ускользнул от него, получил очередь ведомого. Так что и второй бой закончился для пары Логичева с прибавлением в счете. Впрочем, Петр с напарниками, вернувшись на аэродром, отнеслись к этому довольно равнодушно. Второй боевой вылет, физические нагрузки, потери друзей съели столько психических и физических сил, что летчики почти не реагировали даже на налет тройки вражеских бомбардировщиков, на малой высоте прорвавшихся к аэродрому и попытавшихся бомбить полосу и стоянки эскадрилий. Один был сразу же сбит зенитчиками прикрытия, остальные сбросили бомбы неточно, повредив пару самолетов, и были сбиты поднявшимися летчиками дежурного звена, когда уходили от аэродрома.

Интерлюдия

В общем, все складывалось для Германии очень плохо. Пропавшая группа армий «Север» создавала такую брешь на левом фланге, едва прикрытую уцелевшими остатками резервов, что пришлось остановить наступление Третьей танковой группы и Девятой армии, поспешно перебрасывая часть их сил на левый фланг. Хуже всего сложились дела в воздухе: понесшие огромные потери люфтваффе ничем не могли помочь сухопутным войскам. Самое скверное, что начали появляться случаи отказа от полетов. Летчики говорили, что полет против русских – это хуже, чем «русская рулетка». «Русская рулетка» еще давала шанс выжить, а вот встреча с новыми истребителями русских, получившими прозвище «Флигендесрор»⁹ – почти никаких шансов. Кроме того, Первый воздушный флот потерял четыреста самолетов, расквартированных в Восточной Пруссии. Геринг вынужден был приказать перебрасывать самолеты ПВО рейха на восток, но и эта мера не могла переломить ситуацию.

Москва, Кремль

Заседание ГКО под председательством Маленкова собрали в бывшем кабинете Сталина. Известное всему миру по фотографиям и фильмам помещение предназначалось именно для такого рода заседаний. Военный министр СССР Булганин и начальник Генерального штаба Соколовский сидели в соседней комнате, пытаясь с помощью операторов Генштаба собрать и отразить имеющиеся данные. Булганин, бывший отнюдь не военным, а политиком, старательно делал вид, что все понимает, и помалкивал, пока Соколовский с несколькими офицерами готовили докладную записку и карты.

А в это время Берия, Маленков, Молотов и Ворошилов пытались осознать все, что им было известно. Набор фактов отнюдь не радовал. Неведомый враг, которого Ворошилов сразу назвал англо-американскими империалистами, сумел уничтожить группы войск за границей, продвинуться до границ страны и неведомым путем прервать связи с заграничьем. Согласно полученным от Министерства государственной безопасности данным, в иностранных посольствах также царил тихая паника из-за пропажи связи. Отмечено также невероятное потепление воздуха над всей территорией СССР, в результате чего началось резкое таяние снегов, а в некоторых районах появилась угроза наводнения. Пропали все советские самолеты, находившиеся ночью в воздухе, как совершавшие пассажирские рейсы, так и военные.

В общем, «туман войны» был так густ, что руководители СССР не видели в нем даже кончика носа. Своего, ибо враг сунул свой через границу и, естественно, получил по нему хороший удар.

Наконец-то подготовив доклад, вошел Соколовский. Он начал с того, что ночью противник силами от пятисот до восьмисот винтовых бомбардировщиков под прикрытием не

---

⁹ «Флигендесрор» («Летающая труба») – по мнению автора, наиболее вероятное прозвище для реактивного истребителя МиГ-15/17, с точки зрения летчиков начала 40-х гг.

менее двух сотен винтовых истребителей попытался бомбить наши приграничные аэродромы и города, но был встречен истребителями ВВС и ПВО округов и, потеряв до полутысячи самолетов, ретировался за границу. Реактивных бомбардировщиков и истребителей не замечено, ядерные удары не наносились. И это уже радовало, но в то же время заставляло задуматься: что за коварный ход придумал противник?

– Дальнейшие действия противника представлялись еще менее логичными. На большей части западной границы он повторил авианалет большими силами бомбардировщиков и истребителей, одновременно начав обстреливать артиллерией приграничные районы с последующей атакой сухопутными силами. При этом почему-то не наносился удар по границе от Гродно до Бреста и от Равы-Русской до Дрогобыча. Пограничники же на этих участках задержали уже несколько неустановленных лиц, называющих себя делегатами связи, причем одеты они были в нашу предвоенную форму. При задержании они пытались применить оружие. Спокойно также в Прибалтике. Кроме нескольких попыток перелета границы и задержания нарушителей границы в униформе вермахта никаких других инцидентов не отмечено. На севере, в районе Петсамо границу попытались пересечь в походных порядках воинские части в форме горных стрелков вермахта. Они явно не ожидали сопротивления и были отогнаны огнем пограничников. Имеются пленные. По получении результатов допросов обобщенные данные будут доложены. На финской границе пока все спокойно, но пограничники отмечают признаки сосредоточения войск. Командующие Северным и Ленинградским военными округами запросили разрешение на проведение воздушной разведки за линией границы. Потеряна связь с военными базами в Порккала-Удд и Ханко, туда отправлены самолеты связи. Непонятна обстановка на Дальнем Востоке. Также потеряна связь с Порт-Артуром и 64-м авиакорпусом в Китае. Отмечено присутствие на границе вместо китайских пограничников японских воинских частей. Одновременно произошли столкновения на японо-советской границе в районе Курильских островов и Сахалина. Самолеты и катера с японскими опознавательными знаками пытались пересечь границу, но были отогнаны или сбиты советскими пограничниками и частями ПВО. Обобщая сказанное, можно утверждать, что вероятный противник сумел уничтожить наши группы войск за рубежом и захватить территорию союзных стран Восточной Европы за одну ночь. При этом атакующие войска используют технику и форму немецко-фашистского вермахта. На Дальнем Востоке им проведена аналогичная операция силами японских войск в форме и с техникой начала Великой Отечественной войны. Одновременно он полностью прервал все линии связи между СССР и другими странами, а попытки радиосвязи и радиоперехваты дают абсурдную картину – используемые диапазоны частот и содержание передач относятся к сорок первому году, – закончил Соколовский.

Невероятные события требовали дополнительного и длительного изучения, но шла война и долго раздумывать – значило ее проиграть. Поэтому решено было собрать для тщательного изучения межведомственную комиссию при ЦК с привлечением ведущих ученых. А пока объявить мобилизацию войск и промышленности, начать усиленную разведку ситуации и связаться с посольствами и разведывательной сетью за рубежом.

Уже перед концом заседания Л. П. Берия неожиданно спросил Соколовского:

– Как вы считаете, кто из наших командующих мог бы стать военным министром?

Все, кроме Маленкова, с недоумением посмотрели на Берия, который, еще раз посмотрев на Булганина, добавил:

– Есть мнение, что товарищ Булганин, не будучи профессиональным военным, вряд ли справится с управлением вооруженными силами в ходе войны. А вот заняться военной промышленностью и снабжением войск в качестве представителя ГКО он может.

– Поддерживаю, – сказали одновременно Молотов и Ворошилов.

– Надо подумать, – дипломатично ответил Соколовский.

– Хорошо. Думайте до завтрашнего утра. Передадите свои соображения товарищу Маленкову и мне к 9.00 завтра, – жестко закончил Берия.

На этом заседание закончилось, все разошлись. И только оставшиеся вдвоем Маленков с Берией перешли в соседнюю комнату.

Интерлюдия

В Вашингтоне всю неделю, начиная с 23 июня, ситуация, по меткому определению адмирала Хелси, напоминала «пожар в бардаке во время наводнения». Мало того что полностью прервалась связь с посольством в СССР, так еще и сообщения разведки, нейтралов и журналистов становились все невероятнее и невероятнее. Гарри Гопкинс, приходя утром к Рузвельту, начинал свои доклады присловьем из «Алисы в стране чудес» – «Все чудесатее и чудесатее...»

При попытке анализа и выстраивания непротиворечивой картины происходящего несколько аналитиков Госдепа, Военного и Военно-морского министерств получили самые тяжелые психологические травмы, а некоторым даже пришлось вызывать врача.

Картина складывалась парадоксальная. Русские в очередной раз удивили весь мир. Их войска сумели одним ударом овладеть Восточной Пруссией и районом Петсамо (Печенги), Южным Сахалином и, по некоторым данным, даже Курильскими островами, причем с невиданной скоростью, практически за одну ночь. Они сумели в полной тайне перевооружить свою военную авиацию на невиданные ранее самолеты. Их армия в боях показала такой уровень боевой эффективности, который никто не мог даже предвидеть, особенно если учитывать опыт сравнительно недавней финской войны. А еще они зачем-то прервали связь со всем миром, причем именно в день нападения немцев, и так эффективно, что, по имеющимся сведениям, даже их посольства не могли связаться с Москвой практически всю неделю.

Но самые парадоксальные факты давали радиоперехваты. Пойманные передачи от посольств США, Англии, Японии и Франции были подписаны неизвестными лицами, именовавшими себя послами. Открытым текстом в них сообщалось об отсутствии связи, о смерти Сталина, а самое главное – они были датированы мартом 1953 года. По мнению многих компетентных лиц, это была явная и неуклюжая провокация русского ГПУ. Непонятно было одно – для чего она была нужна. Неужели они считали всех полными недоумками?

И вся эта головоломка никак не хотела складываться...

Аэродром «Береза», 927-й истребительный авиаполк

За несколько дней войны Петр Логичев понял одно: спокойно поспать – это огромная радость. Увы, спать-то как раз и приходилось урывками. Немцы (теперь уже никто не сомневался в национальности противника), беспощадно избиваемые днем, перешли преимущественно на ночные налеты на малых высотах. Трудности обнаружения низко летящих самолетов радарными заставляли постоянно держать в воздухе дежурные звенья, патрулирующие в районах вероятных налетов.

Интересное происшествие случилось на второй день войны: в воздухе был перехвачен и посажен на аэродроме самолет с советскими опознавательными знаками, оказавшийся довоенным разведчиком Як-4. Экипаж его, в советском же довоенном обмундировании, безропотно сдал оружие и в сопровождении начальника особого отдела убыл в Минск. Перехватившие самолет летчики получили личную благодарность от командующего ВВС фронта. Да, уже на третий день войны все округа были преобразованы во фронты, из тыла в сторону передовой начали выдвигаться колонны войск, что тоже добавило работы истребителям. Правда, было одно весьма существенное отличие от «той» войны: колонны двигались днем под прикрытием зениток и истребителей, а на ночь рассредоточивались для уменьше-

ния потерь от налетов фрицев. Война, можно сказать, перешла в нормальное русло, если это слово вообще применимо к войне.

Девятого марта было объявлено постановление ГКО о назначении военным министром А. М. Василевского вместо Булганина. А членам партии на собрании зачитали секретное письмо о смерти товарища И. В. Сталина и происках империалистов Запада, в результате действий которых произошла временная катастрофа и СССР снова придется оборонять свои рубежи от войск немецко-фашистских агрессоров.

Еще через несколько дней по радио выступил с речью председатель Совета Министров. К сожалению, Петр не мог ее услышать, так как вместе со всей эскадрильей был в небе, расчищая воздух для пролета советских тяжелых бомбардировщиков. Несколько полков бомбардировщиков Ту-4 и Ил-28 в сопровождении истребителей Ла-11 нанесли удар по крупнейшему транспортному узлу – Варшаве. Для того чтобы немцы не могли перехватить их на маршруте (что, впрочем, казалось уже повоевавшим советским летчикам практически невероятным), и были подняты истребители всех прифронтовых полков.

Кроме воздушных боев, летчикам полка пришлось вспоминать и бомбометание по земле. Несколько раз полк вылетал вместе с «Илами» на штурмовку немецких войск и аэродромов. В одном из боев над линией фронта зенитки подбили самолет Петра и сбили самолет лейтенанта Звягинцева. Петру повезло, он сумел перелететь фронт и выброситься с парашютом уже над нашими войсками. Навсегда запомнилось ему это чувство бессилия, когда грозная боевая машина перестает тебя слушаться, мотор глохнет и самолет, изредка выбрасывая клубы дыма и струйки пламени, топором падает вниз...

На земле его встретили пехотинцы из 48-й гвардейской стрелковой дивизии. После короткого застолья у командира полка, полковника Иванюты, его посадили в «козлик» и отвезли до аэродрома. По дороге старший машины лейтенант Петров рассказывал ему, что белорусы, узнав о повторном появлении фашистов, толпами осаждают все штабы, прося зачислить их в войска. Никто из них еще не забыл ни Хатыни, ни айнзатцгрупп. Несколько не выявленных ранее немецких пособников были приведены соседями в особый отдел полка, а один так и вовсе был забит насмерть, когда не смог скрыть радости при известии о новом нападении. И совсем уже тихим голосом, почти шепотом, он сообщил о том, что налажена связь с войсками на той стороне границы. Оказывается, за границей, от Гродно почти до Бреста, существует довоенный Белостокский выступ и в нем дерутся с немцами части войск бывшей РККА. Теперь наше командование планирует использовать их для контрудара по врагу, и из дивизии уже несколько офицеров получили назначения и отправились туда для передачи боевого опыта. В ответ Логичев рассказал лейтенанту о самолете, посаженном в «Березе», и его экипаже. Оба они сошлись на том, что в таком случае фрицам остается только сдаваться.

Интерлюдия

Генеральный штаб, Кремль, да и все правительственные учреждения в эти дни напоминали растревоженный муравейник. Многочисленные курьеры, звонки, пакеты и просто устные распоряжения отнюдь не добавляли порядка в этот хаос. Все было абсолютно непонятно – ни сам агрессор, ни его действия, ни международное положение.

Несомненно, в мирных условиях попытки проанализировать и понять произошедшее потребовали бы очень долгого времени, но в условиях войны пришлось воспринимать все как данность. Конечно, пришлось списать со счетов все группы войск за границей, вооруженные большим количеством современной техники, но она была и во внутренних округах, хотя и в меньшем количестве. Например, освоение танков Т-54 начиналось именно в Белорусском военном округе, и теперь все танковые дивизии Пятой механизированной армии были оснащены именно этими новейшими машинами, с броней, не уязвимой даже для

хваленых немецких зениток, и стомиллиметровой пушкой. Кроме того, немцы столкнулись отнюдь не с РККА образца сорок первого года, а с Советской Армией – победительницей в закончившейся всего лишь восемь лет назад войне, еще не растерявшей опыт, имевшей среди командиров и запасников множество обстрелянных ветеранов. Еще большим плюсом ситуации была постоянная готовность к ядерной войне – напряженная международная обстановка заставляла держать порох сухим и быть готовым к любым неожиданностям. В те времена Руст был бы сбит уже при пересечении границы, попытка захватить остров на Амуре закончилась бы, едва начавшись, после огневого налета и атаки ближайшей войсковой части...

К концу недели удалось связаться и с войсками в Белостокском и Закарпатском выступлениях и принять их под свое командование. Немцы и их союзники затормозили на расстоянии от двадцати до восьмидесяти километров от границы. Особенно неудачно для нас шли бои на южном направлении. Слишком уж большим был перевес в силах над войсками Одесского военного округа, в котором базировалось всего три стрелковых корпуса, по две стрелковые и по одной механизированной дивизии в каждом. Дальнейшее продвижение немецких войск остановилось как из-за удара советских войск из Прибалтики и Прикарпатья, так и из-за упорного сопротивления войск и пограничников на остальных направлениях, да и начавшаяся распутица отнюдь не добавляла им скорости.

Из речи председателя Совета Министров СССР товарища Г. М. Маленкова:

«Граждане и гражданки Советского Союза! Дорогие товарищи, к вам обращаюсь я, друзья мои! Весь советский народ, партия и правительство СССР, все прогрессивное человечество понесло тяжчайшую утрату – после продолжительной болезни вчера скончался секретарь ЦК КПСС, вождь и учитель советского народа товарищ Иосиф Виссарионович Сталин...

Пользуясь смертью товарища Сталина, западные империалисты развязали новую войну против нашей страны. В результате наша Родина снова вынуждена отбивать нападение империалистических орд...

Но ни империалисты, ни немецкие реваншисты, ни примкнувшие к ним японские милитаристы не смогли учесть главного – величия духа советского народа, его готовности отдать все без исключения, даже жизнь, для защиты своей Советской Родины, для защиты завоеваний Октября.

Закончу свое выступление бессмертными словами Великого Вождя советского народа товарища Сталина, уже однажды предсказавшего закономерный итог любой агрессии против свободы нашей Советской Родины. Наше дело правое! Враг будет разбит, победа будет за нами!»

Из выступления по радио Патриарха Московского и всея Руси Алексия Первого:

«Помните же, братья и сестры, не в силе Бог, а в правде! Выступим же дружно на защиту Родины, против сатанинского, человеконенавистнического агрессора! Несть больше счастья, чем душу положить за други своя, за свободу своей Родины!»

Аэродром «Береза», 927-й истребительный авианолк

Петр Логичев с его счетом в семь сбитых самолетов считался теперь одним из асов полка. Поэтому, когда командир четвертой эскадрильи был ранен во время очередной штурмовки немецких войск, других кандидатов у командира полка не нашлось. Документы на повышение и на внеочередное звание ушли наверх одновременно. Понятно, что Петр радовался, но радость эта была с печалью пополам. Он-то жив, идет на повышение, а Лева Звягинцев как был, так и останется навечно лейтенантом. Да и не он один... Хотя, надо заме-

тить, времени на рефлексию у летчика на войне не так уж и много. Два или три вылета в день выматывают не только физически, но и психологически до последней степени, оставляя только простейшие желания. Летать же приходилось все больше и больше, в том числе и на прикрытие войск в Белостокском выступе. В отличие от войск 53-го года, войска 41-го практически не имели зенитного «зонтика», и их приходилось непрерывно прикрывать истребителями до перебазирования к ним современных частей зенитной артиллерии.

Линия фронта постепенно, медленно, но неумолимо сдвигалась на восток. Наши войска, имея качественное превосходство, уступали немцам в численности, а подошедшие резервы были небольшими, так как мобилизация только разворачивалась. Распутица и климатические пертурбации в виде внезапных похолоданий и потеплений, сменявших друг друга, внезапный паводок на реках – все это затрудняло ведение боев как авиации, так и наземным войскам, но не могло остановить боев. Летчики радовались периодам такой ненастья, приковавшим немецкую, а часто и нашу авиацию к аэродромам, как радуются люди, несущие тяжелый груз, возможности немного передохнуть.

В конце месяца Логичев вместе с несколькими опытными пилотами погрузился в старенький Ли-2, который отвез их на тыловой аэродром. Там они получили новые, прямо с завода, МиГ-15бис. В отличие от старых машин эти самолеты сразу шли в камуфляжной окраске. Более мощный двигатель и возможность установки подвесных баков сразу понравились Петру. А после выполнения облета он влюбился в свою «ласточку» крепче, чем в любую из девушек, за которыми ухаживал за всю свою жизнь. По прилете в полк из этих самолетов была сформирована новая 4-я эскадрилья. Летали они над аэродромом, в бои их пока не пускали, но несколько раз заставили ночью летать всей эскадрильей на полную дальность с подвесными баками. В одном из ночных тренировочных полетов Петр опять пополнил свой счет. Привычно осматривая пространство, он на грани восприятия заметил летящую на малой высоте пару «новейших» немецких истребителей «фоккер» и, спикировав с левого полупереворота на них вместе с ведомым, сбил один. Ведомый догнал и расстрелял пытавшийся уйти второй. Вместо благодарности за сбитых Логичев получил выговор от командира дивизии за срыв учебного полета. При атаке он и ведомый, конечно же, сбросили подвесные баки и выработали топливо быстрее всех остальных самолетов, поэтому эскадрилья пришлось прервать полет и вернуться на аэродром.

Вскоре особое положение для четвертой эскадрильи отменили, и Логичев с друзьями окунулся в уже привычный ритм боевых вылетов.

Москва. Кремль. Зал совещаний

Совместное заседание ГКО и Государственной комиссии по чрезвычайной ситуации (ГКЧС) при ЦК КПСС началось с доклада академика Курчатова. Сведенные воедино факты и гипотезы, приведенные в докладе, выглядели абсолютно абсурдно и не раз вызвали недоверчивые перешептывания присутствующих. Наконец академик начал зачитывать заключительную часть доклада:

– Кроме прочего, при исследовании имеющейся англоязычной литературы был обнаружен небольшой рассказ о создании машины, перебрасывающей в прошлое как отдельных лиц, так и участки местности. Возможно, это была утечка информации, аналогичная вышеприведенному примеру, с описанием атомной бомбы в художественном рассказе. Следовательно, можно сделать вывод о причастности иностранных, вероятнее всего англо-американских, ученых к созданию данной ситуации. Исходя из анализа имеющихся данных и соответствия их приведенным выше гипотезам следует считать установленным факт о хронологической катастрофе или опыте, перенесшем территорию Советского Союза из тысяча девятьсот пятьдесят третьего в тысяча девятьсот сорок первый год.

После этих слов в зале наступила оглушительная тишина. Затем поднялся Маленков и спросил:

– Есть вопросы? Нет? Тогда будем считать, что выводы ГКЧС верны, и будем исходить из них при дальнейшем планировании. Благодарю вас, товарищ Курчатов. Сделаем перерыв.

Через пятнадцать минут члены ГКО, включая военного министра Василевского, опять собрались в душном от летней жары зале. Вопросов было много, все они были срочными, и практически по всем высказывались разные, порой прямо противоположные мнения. Серьезный спор разгорелся о применении атомных бомб. Соколовский, Булганин, Хрущев, Молотов были за бомбардировки. Первым выступил Булганин:

– Слишком большими были наши потери в Великой Отечественной войне. Теперь, после Катаклизма, мы можем ответить. Нам выпал второй шанс переиграть все. У нас появился единственный шанс стать сверхдержавой, а то и просто – единственной сверхдержавой. За такое дерутся до последнего. Имея полсотни боеприпасов старого типа и учитываемая поступление до нового года еще не менее двадцати штук нового типа, можно решиться на расход как минимум десяти изделий.

На его выступление откликнулся Берия:

– Давайте проанализируем возможные последствия такого решения. По-моему, в результате мы откроем всему миру секрет возможности создания такого оружия, ускорим принятие американцами решения о начале Манхэттенского проекта, немцы тоже пересмотрят отношение к своему проекту. Считаю невозможным применение спецбоеприпасов до решения вопросов с американцами и немцами. МВД совместно с ГРУ уже разрабатывает план мероприятий по данному вопросу. До его завершения применение данного оружия нецелесообразно. А к тому же мы получаем много проблем с последствиями применения оружия, с остаточным заражением местности.

Тогда эстафету переняли Молотов и Хрущев.

– Мы не выдержим второй Отечественной войны. Народное хозяйство с трудом оправилось от последствий первой, внезапный переход от весны к лету оставляет нас в этом году без сельхоззаготовок. Результатом может быть нехватка продовольствия и резкое падение производства. Необходимо закончить войну в короткий срок, – сказал Молотов.

– Мы не готовы, мы многое потеряли в первой войне. К тому же у нас нет поддержки США, Англии, нет никаких союзников, кроме Монголии. А ведь мы можем показать кузькину мать Гитлеру и его присным, причем в кратчайшие сроки, ограничив потери наших людей, – добавил Хрущев.

Маленков предложил выслушать начальника Генштаба.

– Применение спецбоеприпасов позволит нанести поражение противнику с наименьшими потерями для своих войск. Вполне логичным представляется план нанесения ударов по наиболее важным точкам противника и скоплениям его войск на фронте. Согласно докладу главнокомандующего ВВС главного маршала авиации Жигарева, кроме полков Ту-4, имеющих всего десять специальных носителей, мы можем нанести удары еще несколькими современными бомбардировщиками: двумя Ту-85, двумя Ту-16, двумя М-4, одним Ту-95. Все они проходят испытания, но вполне могут быть привлечены для ведения боевых действий. Их характеристики позволяют не опасаться существующих средств ПВО противника. Зная историю развития средств ПВО противника, Генштаб считает неприемлемым затягивание с применением, уменьшающее неуязвимость наших бомбардировщиков. План нанесения ударов разработан, он включает несколько первоочередных целей: Цоссен, Пенемюнде, Бертехсгаден, Берлин, города Рура, группы немецких войск на левом фланге и в центре фронта, – доложил Соколовский.

– А ракеты? Мы можем их применить? – спросил Хрущев. – Насколько я помню, они вообще неуязвимы и позволят нанести внезапный и неотразимый удар.

– В настоящее время ни одна из ракет не приспособлена для несения спецбоеприпасов. Разработка специальных ракет-носителей еще не закончена. Формируемые сейчас две первые инженерные бригады РГК могут применять только неэффективные изделия Р-1 и Р-2, которые не могут нести спецзаряд. Поэтому их применение на фронте нецелесообразно, – ответил Соколовский.

Микоян, внимательно слушавший все эти выступления, попросил слова и предложил компромиссное решение:

– Подготовку к нанесению ударов спецсредствами провести в полном объеме, но пока не наносить. Применение спецсредств – только по личному разрешению товарища Маленкова и его заместителя, товарища Берии. Мое мнение – применять только в самом крайнем случае. Цоссен и Пенемюнде разбомбить необходимо, но обычными бомбами.

– А применять спецзаряды на своей территории не вижу вообще никакой необходимости. Не забудьте, что при этом пострадают и наши советские люди, – добавил Берия.

Маленков поставил вопрос на голосование. Неожиданно на сторону Берии встал Василевский.

– Считаю, что необходимо сохранить в тайне наличие у нас спецбоеприпасов. Вспомните, как вели себя англо-американцы после победы. Вот для них и надо подготовить сюрприз, – сказал он.

Эти слова оказались решающими. С тем, что атомное оружие применять не следует, в итоге согласились все. Сразу обсудили вопросы о продолжении работ по созданию водородной бомбы и новых носителей оружия. С учетом возможности получения решающего превосходства было решено ускорить создание более мощной, чем урановые, водородной бомбы, а также новых бомбардировщиков и ракет. Особое внимание планировалось уделить бомбардировщикам межконтинентального радиуса действия, способным при необходимости достичь Америки.

Затем обсудили положение на южном участке советско-германского фронта. По предложению Хрущева на Второй Украинский фронт назначили Г. К. Жукова.

Не меньше времени заняло и обсуждение дальневосточных вопросов. Решено было поставить главнокомандующим войсками Дальнего Востока Р. Я. Малиновского. Как заметил при этом Маленков:

– Опыт действий на этом участке и с этим противником у него есть. Вот пусть и использует его.

На этом заседание ГКО закончилось.

Аэродром «Жуковский». Главный летно-испытательный центр

Генерал Молодчий был счастлив. Знаменитый летчик Дальней авиации, прошедший всю войну, получил в свое распоряжение группу таких самолетов, о которых раньше мог только мечтать. В его распоряжение перевели лучших летчиков из тяжелых бомбардировочных полков, и теперь они осваивали сверхновые, сверхскоростные и сверхдальние машины. А еще ему было обещано пополнение из спешно достраиваемых нескольких бомбардировщиков Туполева Ту-85, заканчивающего испытания туполевского же изделия «95» и нового варианта мясцевского реактивного сверхбомбовоза. Радости добавлял и самостоятельный полет, выполненный на Ту-85. Огромная серебристая машина, способная долететь до Америки со скоростью, превосходящей максимальную для самолетов военного времени, на недостижимой ранее высоте, способная нести до цели вагон бомб и защищенная пушечными установками, была «лебединой песней» советских тяжелых бомбардировщиков с поршневыми двигателями. Именно это и стало причиной прекращения выпуска вполне готового к серийному производству бомбардировщика, по опыту войны в Корее устаревшего с появле-

нием реактивных истребителей. В нынешней же ситуации он оказался вполне востребован, и на заводе в Казани поспешно восстанавливали его производство.

Тем временем летчиков переучивали по ускоренной программе, изучая самолеты и инструкции по их эксплуатации. Порой казалось, что летчики ночуют прямо в самолетах, столько времени проводили они в кабинах, «насиживая» и осваивая их. Прошло немного времени, и начались полеты над советской территорией на предельной высоте, тренировки в ночных и дневных сверхдальних перелетах.

Большой потерей для всех стала авария новейшего «девяносто пятого»¹⁰, разбившегося в очередном испытательном полете из-за отказа двигателей. Несколько дней лихорадило весь ГЛИЦ и даже группу Молодчего. Представители МВД, армейские комиссии, представители КБ и заводов изучали, осматривали и едва ли не вынюхивали все бумаги, состояние всех самолетов и двигателей, опрашивали всех причастных и не причастных. Происшествие оказалась для Александра Молодчего вдвойне печальным: вместе с летчиками и испытателями ГЛИЦ погиб и его старый друг, полковник Журавлев. Он должен был получить этот самолет после испытаний и с разрешения командования знакомился с особенностями пилотирования, летая вместе с бригадой испытателей.

Это печальное событие ненадолго задержало подготовку, и уже к концу месяца специальная авиагруппа Молодчего вылетела на разведку и бомбежку целей в Германию. Боевые полеты оказались не сложнее тренировочных. Огонь зенитной артиллерии практически не доставал до самолетов, летевших на большой высоте, а истребители, если и поднимались до них, на практическом потолке маневрировали, как сонные мухи. Да и вооружение их не могло сравниться с оборонительным вооружением «туполевых». А уж мясницевские реактивные «эм-четвертые» вообще никого не боялись, уходя от немцев как от стоячих, даже на крейсерской скорости.

Увы, авария опытного «девяносто пятого» привела к замедлению программы его строительства – решено было сначала довести двигатели. Молодчий был за этот самолет, понравившийся ему своей дальностью и высотностью. К тому же привычные винты, хотя и вращаемые не поршневым, а турбовинтовым двигателем, казались надежнее. Но его мнение было всего лишь «принято во внимание». Впрочем, возможно, оно вместе с мнением Хрущева и оказалось решающим при изучении вопроса о закрытии программы «девяносто пятого». Решено было продолжать постройку второго опытного экземпляра, но уже во вторую очередь работ завода. Первоочередным стал запуск в серию Ту-85.

Группа Молодчего тем временем провела тренировочные полеты на сброс специзделий и испытания системы дозаправки в воздухе для самолетов Ту-85. Адаптированная для них система дозаправки, спроектированная изначально для Ту-4, давала «восемьдесят пятым» возможность достичь практически любой точки на земном шаре. И летчики группы активно готовились к этому.

---

¹⁰ Разрабатывавшийся бомбардировщик Туполева «95» действительно разбился во время испытательного полета в 1953 г.

Глава 3. Наша служба и опасна и трудна...

(Июнь – август 1941/53 г.)

Москва. Территория Выставки достижений сельского хозяйства

Резидент ЦРУ, начинавший службу еще в УСС, Роберт (Боб) Гарри Поттер-младший уже пятую минуту торчал в кабинке общественного туалета, ожидая связи с представителем посольства. Да, разведка США не могла пока похвастаться большими успехами в СССР, и Боб Гарри был, пожалуй, самым большим ее достижением. Под видом армянина-репатрианта Роберта Мерзосяна он сумел не только проникнуть в Советский Союз, но даже устроиться на работу в редакцию газеты «Советский железнодорожник». Ему удалось найти несколько источников информации, от одного из которых, студента Михаила Гробачева, жившего в одной комнате с американскими студентами, он получил интересную информацию о происходящем.

Вот наконец-то в соседней кабинке стукнула дверца, и рука из-под перегородки вручила ему сверток, забрав у него другой. Вообще-то такой неудобный способ связи, конечно же, не был основным. Но в последнее время из-за непонятных происшествий нормальные каналы стали опасными, так как вокруг иностранных посольств прямо-таки кишели агенты ГБ в штатском, а всех иностранцев при передвижении по Москве сопровождал как минимум один такой агент. Однако нынешний, такой экстравагантный способ связи наверняка был отброшен русскими как невероятный. Поэтому Боб уже третий раз посещал ВДСХ, якобы собирая данные для очерка о достижениях строительства советских железных дорог. Впрочем, он опасался, что скоро будет писать не о достижениях строительства, а о результатах боев. Хотя официально он числился ограниченно годным к воинской службе, Боб подозревал, что его могут отправить в какую-нибудь фронтовую газету. Теперь же следовало немедленно передать бесценные сведения, полученные от студента Михаила. Будучи вхож в академические круги, тот сумел достать данные о создании в СССР новой сверхмощной атомной бомбы и о планировании ее испытания в августе – сентябре. Кроме того, удалось получить кое-какие сведения о нападении непонятных агрессоров на западной границе, чрезвычайно интересные и невероятные. Все это и вынудило Боба передать в посольство сигнал об экстренной встрече.

Впрочем, это было, конечно же, не главным, признавал в глубине души Боб. Главным был полностью изменившийся характер радиопередач, которые ловил его приемник, и полное отсутствие шифровок с родины. Впервые с тех пор как он, потомок армянских эмигрантов, приехал в эту загадочную страну, ему стало страшно.

«Ладно, передача прошла удачно, скоро узнаем, что же произошло», – думал Боб Гарри, выходя из здания туалета. Но тут он увидел несколько внимательно разглядывавших его глаз. Взявшие его в полукольцо люди были, несомненно, чекистами. Боб попытался рвануться в сторону, но холодный вежливый голос остановил его порыв:

– Не дергайтесь. Бегство бессмысленно, гражданин. Прошу пройти с нами.

Повернувшись, Боб Гарри увидел невысокого плотного крепыша, который показывал ему удостоверение в красной сафьяновой обложке. Оглядевшись, Боб Гарри криво усмехнулся – справа от здания несколько человек сажали в машину работника американского посольства.

– МВД. Майор Пронин. Вы задержаны по подозрению в шпионской деятельности против СССР.

Москва. Заседание коллегии Министерства внутренних дел

Заседание коллегии объединенного с Министерством госбезопасности Министерства внутренних дел было посвящено решению вопроса утечки информации о необычной ситуации в Советском Союзе за границу. На нем присутствовали, кроме самого Л. П. Берии и его заместителей С. Н. Круглова и Б. З. Кобулова, также начальник Третьего (разведывательного) управления МВД С. А. Гоглидзе и его подчиненные.

– Всего из балтийских портов успело уйти четыре судна: голландское, датское, польское и гэдээровское. Судьба последнего уже установлена: нашими торпедными катерами подобрана шлюпка с двумя уцелевшими членами команды, судно потоплено подводной лодкой. Об остальных никаких сообщений нет. На Дальнем Востоке в течение первого дня ушло восемь кораблей, из них два американских, одно английское, четыре китайских и одно наше. Последнее вернулось вчера во Владивосток, – докладывал генерал Джуга.

– Какова вероятность захвата этих судов немецкими и японскими кораблями? – спросил Берия.

– Считаю, что на Балтике все суда, вероятно, потоплены немцами. Вряд ли они позволят судам под флагом противника спокойно пройти мимо. Возможно, ими захвачены уцелевшие члены команд. На мой взгляд, это несущественно, поскольку немцы могут уже иметь информацию с фронта, – ответил Джуга. – Сложнее на Дальнем Востоке. Японцы обязательно пропустят американские и английские суда и постараются захватить или потопить китайские. Раз боевые действия еще не начаты, японцы получают или уже получили сведения о положении в СССР от их команд, – добавил он.

– Плохо работаем, товарищи. Почему не смогли удержать корабли под любыми предложениями? Ждали указаний? – спросил Берия.

– Не было никаких оснований для задержания. Обстановка была неясной, но неугрожающей. Можно было спровоцировать международный скандал, – заметил заместитель Берии Круглов.

– Ладно. С этим понятно. Что с посольствами? И с агентурой империалистических разведок? Докладывайте, товарищ Гоглидзе, – продолжал Берия.

Из доклада Гоглидзе стало ясно, что английская резидентура известна МВД из нелегальных источников и может быть практически нейтрализована в течение нескольких дней. Сложнее с американской разведкой. Точных данных по ней не было, хотя те же нелегальные источники имели сведения, что она весьма малочисленна и не имеет серьезного значения. Данных по остальным разведкам было намного меньше, но можно было предположить, что разведка западных немцев практически не имеет своих агентов в СССР, как и японская, после недавних чисток. Турецкая разведка оценивалась также весьма низко, но на всякий случай приняты дополнительные меры безопасности на советско-турецкой границе и на Кавказе.

– Посольства и консульства в течение нескольких дней после Катаклизма взяты под усиленное наблюдение, консульства в других городах закрыты. Слежка за посольствами дала некоторые результаты – задержаны два шпиона, пытавшихся выйти на связь с американским и норвежским посольствами. В настоящее время глушатся помехами все радиопередачи из посольств. На предъявляемые протесты заявлено, что это результат какого-то не установленного пока природного явления, – докладывал Круглов.

– Хорошо. Возможно, через несколько дней будет принято решение о временном интернировании всех посольств империалистических государств. Необходимо подготовить специальные отряды для этой цели. Важно суметь захватить секретные документы и шифры. Есть мнение, что будут найдены документы, которые смогут пролить свет на происхождение и природу Катаклизма, – сказал Берия. – Но учтите, вся подготовка должна быть проведена в тайне, поскольку окончательного решения не принято. Возможно, будет решено, что выгоднее признать уже имеющиеся посольства, запретив въезд новым дипломатам.

Интерлюдия

В эту ночь самураи решили... Нет, отнюдь не перейти границу у известной всем реки, а решили они, что русские вот-вот нападут. Непонятные явления, случившиеся днем, очень подозрительно напоминали описания из русских же книг о будущей войне. Поэтому все войска Квантунской армии вдоль границы Маньчжоу-Го были подняты по тревоге и приведены в состояние боевой готовности. Еще больше японцев удивила попытка русских связаться с пограничным постом в районе Хасана и обратиться с просьбой пропустить делегата связи к советским войскам в Порт-Артуре. Впрочем, последнее было принято за попытку оскорбительно подшутить над армией Ямато. Свежие воспоминания о том же Хасане и Халхин-Голе заставили молча стерпеть обиду и запомнить это оскорбление на будущее. Аналогично пришлось поступить и по отношению к транспортному самолету, нагло пытавшемуся приземлиться на аэродроме около Порт-Артура. Его всего-навсего отогнали зенитным огнем, не сбивая и не препятствуя обратному возвращению во Владивосток.

Но самое непонятное творилось на Курилах и Сахалине – связи с ними не было. Попытка отправить делегатов закончилась неудачей – они просто не возвратились. Повторные и более осторожные попытки закончились возвращением посланного катера с известием о столкновении с русским пограничным кораблем.

Претензии к русским росли, и только невозможность связаться с посольством в Москве не давала Токио предъявить их русскому правительству, несмотря на ропот сторонников конфронтации с СССР, а также немедленного завершения разработки и ввода в действие плана «Кан Току Эн». Впрочем, по мере поступления новостей из Европы этот ропот сменился задумчивостью, поскольку становилось ясно, что хваленый вермахт, в пару недель захватывающий любую европейскую страну, завяз и его хребет трещит в лапах русского медведя.

Берлин. Запись переговоров фельдмаршала фон Бломберга, оберста фон Трескова и нескольких неустановленных лиц

(Архив Штази¹¹ [гестапо]. Обозначения: **Т.** – фон Тресков, **Б.** – фон Бломберг, **А.**, **Ц.** и **Г.** – неустановленные лица.)

Т. – Итак, англичане согласны вступить с нами в союз только при аресте Гитлера, Геринга и Гимmlера. Геббельс, естественно, будет держаться за Гитлера до последнего. Поэтому предлагаю устранить этих господ и немедленно объявить о союзе с Великобританией.

Б. – Конечно, я за союз с англичанами, но в данной ситуации не вижу от него никакой пользы. Как союзники, они ничем не смогут нам помочь в борьбе с большевиками.

А. – Я тоже не склонен высоко оценивать возможности англичан как союзников. Но приходится признать, что других вариантов я пока не вижу. Вчерашняя бомбардировка Берлина показала наличие у русских таких самолетов, бороться с которыми наши противоздушные войска просто не в состоянии. Население начинает паниковать. А тут еще эти нехорошие вести с фронта.

Ц. – Да, нас пока спасает мобилизация русских. При их огромных расстояниях они не могут быстро мобилизоваться. Но я считаю, что решение необходимо принимать немедленно. Каждый день задержки может привести к катастрофе. Гитлер не способен осознать данный факт, он вообще не слушает нас, военных профессионалов. Считаю, что его надо отстранить от власти. И немедленно решить вопрос о прекращении конфликта с русскими.

---

¹¹ «Штази» – название Министерства государственной безопасности ГДР. Существовало в нашей реальности с 1952 по 1990 г.

Т. – Но все же, раз уж мы согласны в данном вопросе, надо решиться и на следующий шаг – на союз с англичанами. В принципе, я бы согласился и на переговоры с русскими, но считаю, что в настоящее время это бессмысленно. Они не простят нам разрыва договора, к тому же, если верить имеющимся сведениям, они переживают это уже второй раз.

Г. – Я считаю, что наилучшим решением будут все же переговоры с русскими. Уход из жизни Сталина, который, конечно же, не простил бы нам разрыва договора, дает шанс договориться с его преемниками. Исходя из анализа русских радиопередач, на вершине власти у них сейчас находится триумvirат из Маленкова, Берии и Хрущева. Первые два, по мнению наших дипломатов, были одними из сторонников договора с Германией, о позиции третьего серьезных данных нет.

Б. – Договариваться с большевиками? Нет уж, увольте.

Г. – А они уже и не большевики. По последним сведениям, их партия теперь называется КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза, вместо наркоматов у них министерства, а самое интересное – вроде бы недавно расследовалось антиеврейское «дело врачей» и шла активная борьба с «космополитами»-евреями.

А. – То есть вы хотите сказать, что они сближаются с нашей позицией в этом вопросе?

Г. – Не уверен. Сведения очень противоречивы и добыты в основном из захваченных подшивков газет и допросов немногочисленных пленных. Но все же я считаю, что с русскими договориться будет надежнее, чем с англичанами.

Б. – Если все, что вы сказали, правда, то, возможно, ваша позиция может привести к успеху. Но я сделал бы ставку на англичан.

Т. – Господа, я считаю, что этот спор все же второстепенен. Если удастся захватить власть, мы можем пытаться договориться и с русскими, и с англичанами или даже с американцами. Без устранения клики Гитлера от власти ничего не может быть решено.

Б. – Согласен.

А. – Согласен.

Ц. – Согласен. Но все же я – за переговоры с русскими.

Г. – Согласен.

Т. – Тогда я предлагаю приступить к конкретным действиям...»

Лондон. Посольство СССР

После речи Черчилля в поддержку СССР полпред (посол) Майский ожидал оживления в отношениях с британским МИДом. Но вместо этого уже несколько дней посольство существовало в каком-то вакууме, англичане как будто забыли о существовании представительства СССР. Хуже всего, что, похоже, и на родине стало не до посла и его забот, потому что Наркомат иностранных дел тоже хранил загадочное молчание. А передачи советского радио, ловившиеся в посольстве, вообще были необъяснимы: в них присутствовало множество незнакомых имен, фактов и названий. Встречи на приемах в других посольствах тоже не прибавляли оптимизма. Почти все дипломаты расспрашивали о причинах прекращения связи между СССР и остальным миром. Приходилось все сводить к шутке или отмалчиваться. Особенно неприятным был разговор в японском посольстве, куда Майский был приглашен лично. Японский посол встретил его холодно, а в разговоре упомянул, что Япония недовольна несоблюдением СССР договора о взаимном ненападении и враждебными действиями со стороны Союза. Пришлось отговариваться отсутствием каких-либо инструкций и новостей из Москвы.

Поэтому посол был даже рад, когда из Министерства иностранных дел пришел запрос на встречу с неким Робертом Блейком. Судя по тому, что посол не слышал о нем ранее, это был чиновник не очень крупного ранга, но даже такая встреча все же лучше, чем ничего. Прибывший Блейк удивил Майского своей молодостью, незначительностью должности и

непривычно прямолинейной манерой разговора. Вместо обычных протокольных вежливостей он сразу заявил протест в отношении действий советского правительства, нарушившего все нормы международного права прекращением связи с посольством Его Величества в Москве.

Майский вызвал шифровальщика и приказал срочно передать сообщение в Москву, а сам вызвал на совещание первого и третьего секретарей посольства. Совещание закончилось за полночь, но ничего конкретного решено не было. Разве что третий секретарь был необычно оживлен и несколько раз уточнял детали разговора с чиновником. Утром он отправился в город, где и пробыл несколько часов. Вернувшись, он зашел к послу и сказал, что ввиду чрезвычайности ситуации может сообщить послу имеющиеся у него сведения о том, что советская разведывательная сеть в Великобритании также потеряла связь с СССР. Поэтому, похоже, ситуация не просто катастрофическая, а сверхкатастрофическая. Но в этот момент в кабинет посла вбежал запыхавшийся шифровальщик, который нес, словно величайшую драгоценность, расшифрованную телеграмму с Родины. Выпроводив всех, посол внимательно изучил полученную телеграмму. В ней за подписью Молотова, известного ему как нарком иностранных дел СССР, сообщалось о смерти Сталина и о других новостях, часть из которых он уже знал из пойманных радиопередач. В принципе, несмотря на некоторые непонятные моменты, телеграмма все же была первой достоверной вестью о последних событиях вокруг и внутри СССР. Получены были и инструкции по действиям посольства в сложившейся ситуации. Особый упор в них делался на доведение до британского правительства единства целей обеих стран и необходимости создания антигитлеровской коалиции. Требовалось также довести до англичан, что неизвестная природная катастрофа препятствует установлению связи с посольством Великобритании в Москве, но правительство СССР принимает все меры для восстановления ее нормального функционирования.

Собрав коллектив посольства, Майский сообщил полученные сведения и наметил предстоящие дела. Первым делом требовалось договориться о встрече с министром иностранных дел Иденом.

Второй важнейшей задачей стало налаживание тесных контактов с де Голлем. Посол должен был сделать все возможное, чтобы де Голль осознал – единственной серьезной силой, способной освободить Европу от гитлеровских орд, является Советский Союз. А он очень заинтересован в помощи «Свободной Франции» и установлении дружественного правительства в послевоенной Франции. При этом следовало осторожно намекнуть, что во главе правительства освобожденной Франции Москва видит именно Шарля де Голля.

Отправляя через некоторое время в Москву отчет о проделанной работе, посол отметил, что де Голль, несмотря на всю перспективность его как лидера свободной Франции, больше склонен к союзу с Великобританией и САСШ. Поэтому Майский предлагал поискать другую кандидатуру на пост главы свободной и демократической Франции, если, конечно, не будет принято решение о помощи в продвижении к власти Коммунистической партии.

Об отношениях с Великобританией посол докладывал, что в связи с неожиданными успехами СССР в борьбе с Германией в высших кругах Британии начинают побеждать антикоммунистические настроения из-за того, что многие высокопоставленные деятели боятся усиления влияния СССР в послевоенной Европе.

Лондон. Резиденция премьер-министра

Собравшиеся в кабинете Черчилля министры и военные были олицетворением власти и силы Британской империи. Империи, над которой солнце никогда не заходило и которая, несмотря на потери в Первой мировой, пыталась остаться в ранге ведущей державы и в ходе начавшейся Второй мировой войны. А это требовало умения использовать малейший шанс, умения реально оценивать любые, самые невероятные возможности и извлекать из

них выгоду для своей страны. Которая «права или не права, но это моя страна» и у которой «нет ни друзей, ни союзников, есть только постоянные интересы».

Поэтому-то и ломали головы джентльмены, сидящие за столом в уютной гостиной на Даунинг-стрит, пока Черчилль, расхаживая по периметру ковра и поддерживая беседу, одновременно занимался своеобразной гимнастикой, подбирая с пола кусочки разбросанной бумаги.

Между тем имеющиеся сведения отнюдь не радовали. Вместо ожидавшейся длительной войны между Советской Россией и Германией немецкие войска топтались у самой границы. Кроме того, русские сумели крепко побить люфтваффе и разбомбить Варшавский, Краковский, Люблинский, Лодзинский и несколько более мелких железнодорожных узлов; бомбили Берлин, Цоссен и города Рура. При этом они показали такой уровень развития авиации, который не мог привидеться в самом жутком, кошмарном сне.

К тому же вчера из Гонконга были получены не менее невероятные сведения. Прочитав донесение, Черчилль сказал одну из своих знаменитых фраз:

– Или я, или мир – но кто-то явно сошел с ума.

Губернатор и военные власти Гонконга сообщали о прибытии из Владивостока английского судна «Корнуолл», не включенного ни в один реестр торгового флота Великобритании. Команда его состояла из англичан и пребывала в полной уверенности, что она вышла из Владивостока 5 марта 1953 года. Другие рассказанные ими факты были не менее невероятны. Оказывается, война закончится в 1945 году, послевоенным премьер-министром будет Эттли, а Черчилль произнесет речь в Фултоне, призывающую к борьбе с коммунистической Россией. Россия же по итогам войны захватит всю Восточную Европу и, установив на границах «железный занавес», начнет строительство «мировой системы социализма». Кроме того, она захватит половину Кореи и развяжет Корейскую войну, в которой англичане будут всего лишь одними из союзников САСШ. А самое главное, они утверждали, что сверхсекретный проект создания атомной бомбы, о котором во всей империи знали всего несколько человек, увенчается успехом, но... в Соединенных Штатах и в России. Которая, если верить «пришельцам», уже имеет огромное количество этих «атомных бомб».

– Во-первых, если верить этим сведениям, – заявил Черчилль, – Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток. Разница между военными силами, которые могут выставить на континенте русские и Англия, слишком велика. В нынешних условиях ее не может устранить даже союз Англии с Америкой. Поэтому необходимо срочно договариваться с антигитлеровскими заговорщиками, а после устранения господина Гитлера высаживать наши армии на континенте и организовывать единый антикоммунистический фронт европейских стран.

– Но как мы объясним народу столь резкий поворот в нашей политике? – спросил Первый морской лорд Дадли Паунд.

– Думаю, это будет несложно, но, конечно, потребует времени. Необходимо срочно начать публикации статей о полученных сведениях, доказывающих, что не немцы, а русские напали первыми. И что новости о немецком нападении – пропагандистская кампания русских, – заметил Энтони Иден, министр иностранных дел. – Кроме того, надо будет передать журналистам и сведения об отсутствии связи с посольствами в Москве, объяснив это происками русских.

– Хорошо. Но насколько достоверно мы знаем о происшедшем? Что сможет сказать нам наш уважаемый адмирал? – обратился Черчилль к скромно сидевшему чуть в сторонке человеку.

Широко известной этой персоне предстояло стать только после войны, когда будут опубликованы произведения одного из его подчиненных. Это был начальник Секретной службы империи адмирал Стюарт Мензис.

– К сожалению, после последних событий потеряна связь не только с посольствами, но и с нашей сетью в России. Сохранившиеся источники в Германии, европейских странах и нейтральных государствах во многом подтверждают сведения, полученные из Гонконга. Кроме этого, получены сведения из Японии, косвенным образом подтверждающие все вышесказанное, – ответил адмирал. – В настоящее время русский отдел собирает дополнительные сведения. Проверка в русском посольстве показала, что им тоже ничего не известно. Решено попробовать отправить несколько «корреспондентов» для освещения героической борьбы русских против немецкого вторжения и сбора необходимой информации.

– Согласен. Однако у русских огромное преимущество в воздухе. Что мы можем противопоставить авиации русских? – спросил Черчилль лорда Бивербрука.

– В настоящее время проводятся работы по двум проектам скоростных истребителей: «Тандерболт» и «Спайдер-Краб». Фирма «Глостер» достраивает двенадцать экземпляров опытных истребителей «Тандерболт». Планировалось к концу года закончить испытания и при получении положительных результатов начать серийное производство. Фирма «Де Хэвилленд» приступила к разработке реактивного двигателя и истребителя под него в январе. Результаты планировалось получить к началу сорок третьего года. В связи с полученными сведениями финансирование проектов увеличено, работы ведутся ускоренными темпами, – ответил Бивербрук. – Предположительно к началу сорок четвертого года мы будем иметь освоенные истребители того же класса, что и у русских.

– Плохо. Очень плохо. Необходимо насколько возможно ускорить производство новой техники. По сообщениям с русско-германского фронта, именно русская авиация стала основной ударной силой, противостоять которой не могут даже новейшие немецкие самолеты. Привлекайте все возможные силы, финансирование будет увеличено. Также надо увеличить финансирование проекта «Тьюб аллой»¹². Если русские действительно имеют бомбу, мы должны их догнать, – сказал Черчилль.

– Тогда придется уменьшать финансирование в других областях, – заметил министр финансов.

– Что ж, значит надо провести анализ всех наших расходов и изыскать средства, – вздохнул Черчилль.

– Признаться, мне кажется, что без помощи американцев нам не обойтись, – заметил Иден.

– Нет. Попробуем справиться сами. Разве вы не заметили, что в показаниях команды судна прямо говорится, что Британия станет младшим партнером САСШ. Необходимо избежать этого любым путем. Не думаю, что мы, несмотря на переживаемые трудности, должны становиться их вассалами, – сказал Черчилль.

– Значит, сейчас самым важным для нас становится успех немецких заговорщиков, – подвел итоги Иден.

– Да. И наших ученых, работающих над проектом «Тьюб аллой». Иначе у свободного мира не останется никаких шансов, – добавил Черчилль.

---

¹² «Тьюб аллой» («Трубный сплав») – английский проект создания атомной бомбы. В начале 1940 г. немецкие ученые-эмигранты Отто Фриш и Рудольф Пайерлс представили Генри Тизарду, научному советнику Черчилля, меморандум «О создании супербомбы, основанной на ядерной реакции и уране». Английское правительство образовало сверхсекретный комитет МАУД для изучения возможности производства урановой бомбы. В конце 1940 г. Лондон принял решение о начале строительства завода по выделению урана-235 методом газовой диффузии. 16 сентября 1941 г. британский военный комитет рассмотрел специальный доклад о создании в течение двух лет урановой бомбы. Правительство выделило средства профессору Пайерлсу для развертывания работ по проекту «Трубный сплав» в Бирмингемском университете.

Москва. Зал заседаний ГКО

Очередное заседание ГКО началось с неожиданного заявления Маленкова. Признав, что многочисленные катастрофические последствия Катаклизма, стихийные бедствия в различных районах Союза, возможные перебои в снабжении продовольствием и проблемы внешней политики требуют постоянного его внимания как председателя Совета Министров СССР, в результате чего заседания ГКО чаще всего проходят под управлением Берии, он предложил назначить последнего председателем, а сам Маленков стал бы его заместителем. Таким образом, они взаимно дополняли бы друг друга, при этом получив возможность более глубоко заниматься неотложными делами в сфере своей компетенции. На возражения Булганина и Хрущева, что ГКО именно и задумывался как единственный центральный орган управления, Маленков заметил, что это было справедливо в условиях Великой Отечественной, когда страной управлял товарищ Сталин. В нынешних же условиях необходимо именно сосредоточение усилий каждого управляющего органа в своей области, при координации усилий с помощью ГКО. После длительных и бурных обсуждений предложение Маленкова было принято при двух голосах «против» и одном воздержавшемся.

Затем Берия довел полученные из Англии сведения об утечке информации по атомному оружию. Из нескольких ушедших из портов СССР иностранных судов дошли до портов назначения один английский и два американских.

– Так что меры по засекречиванию наличия спецбоеприпасов потеряли смысл, – заметил Берия.

– В таком случае возможно их применение? – спросил Булганин. – Напоминаю, что я предлагал такой вариант с самого начала. Мои оппоненты уверяли, что нельзя выдавать наличие этого оружия у нас. И что? В результате утечка все равно произошла, а мы понесли потери, которых могли избежать.

– Полностью поддерживаю товарища Булганина. Если бы мы вовремя применили спецзаряды, я полагаю, сейчас мы бы уже принимали капитуляцию Германии, – добавил Хрущев.

– Не уверен, что Германия сразу бы капитулировала. А вот озлобление населения, международный резонанс и будущие проблемы в отношениях с Германией мы бы получили точно. Поэтому я против применения спецзарядов без крайней необходимости, – заявил Микоян.

– Ну, про международный отзыв могу сказать сразу – применим мы бомбу или нет, мы все равно окажемся виноваты. Применим – из-за того, что применили, не применим – потому что собирались применить. Поэтому это возражение считаю неправомерным, – сказал Булганин.

– Я считаю неправильным вновь поднимать уже решенный вопрос, – заметил Берия. – Поэтому предлагаю перейти к вопросам по операциям «Кольцо», «Лес» и «Степь».

Доклад Василевского по планам операций и их обсуждение затянулись надолго. Закончилось заседание поздно ночью, хотя после смерти Сталина старая традиция ночной работы понемногу отмирала.

Едва заседание закончилось, Булганин и Хрущев сели в одну машину и уехали на квартиру Хрущева. Вслед за ними на своей машине поехал и Молотов.

Согласно полученному генералом Кобуловым донесению, все трое пробыли на квартире Хрущева почти до четырех часов утра. Кобулов передал эти сведения Берии, но тот быстро, без всякого интереса просмотрев бумагу, предложил заняться более важными военными вопросами.

Северо-Американские Соединенные Штаты. Нью-Йорк

Художник и корреспондент нескольких нью-йоркских газет Руди Абель (он же лейтенант советского НКВД Рудольф Абель¹³) с терпением, присущим художникам и рыбакам, ждал восстановления связи с Центром.

Автор уже видит, как читатель в этом месте предвкушает погони и перестрелки, слежку и рестораны, красивых агентесс и коварных контрразведчиков. И напрасно. На самом деле работа разведчика сильно отличается от того, что пишет Флеминг. Фактически это нудное и кропотливое вживание в абсолютно чуждую тебе среду, с попытками выхода на значимые источники информации, поиском и анализом мельчайших фактов из газет и наблюдаемой действительности. И к тому же вместо красивой жизни непрерывный стресс из-за возможности разоблачения и ареста.

Но Абель связи все же дождался. Правда, самым неожиданным образом. Однажды вечером в дверь его квартиры позвонил незнакомый крепкий брюнет. После обмена чрезвычайными паролями, он сообщил о последних новостях, о которых газеты писали туманно и непонятно. Самым большим потрясением для Абеля стал даже не перенос его страны, а то, что он, оказывается, и в пятьдесят третьем году был в САСШ. Он-то рассчитывал, что вернется домой намного раньше. Но это были эмоции, а впереди предстояла, как выяснилось, довольно опасная и напряженная работа. Используя свои связи в журналистских кругах, он должен был проследить за несколькими физиками, подробно разузнать о месте их работы, привычках и повседневном распорядке. Для успешного выполнения работы в его распоряжение были отданы еще два человека.

Так вот, под предлогом написания статьи для газеты «Нью-Йорк геральд» он поехал в Нью-Йорк, а затем в Калифорнию, в Беркли. Оказалось, что найти нужных людей проще, чем он думал. У прикомандированных оказался список практически всех разыскиваемых с адресами работы, а в некоторых случаях и проживания.

Все прошло быстро, и скоро он читал в газете о таинственных происшествиях с физиками Хансом Бете и фон Нойманом, а также внезапном отъезде в Швецию Роберта Оппенгеймера с супругой. Чуть позже в газетах промелькнуло известие об ученом Понтекорво, уехавшем в СССР.

Единственным трудным вопросом оказалось налаживание контактов с полковником Гровсом. Отсутствие общих знакомых затрудняло подход к нему, и Абель вынужден был запросить у Центра помощи. Тогда резидент в США «Максим» перенацелил его на другой участок – следить за сенатором Труменом. Абель был в полном недоумении. Этот недавно появившийся в Вашингтоне сенатор был незначительной фигурой, не имевшей практически никакого веса¹⁴. Но приказ был и его требовалось выполнить – найти на Трумена компрометирующие материалы, способные прервать его карьеру или поставить его в полную зависимость от советской разведки. После длительных поисков Абелю удалось раскопать незначительные, не подтвержденные документами и свидетелями данные о связях Трумена с итальянской мафией, от которой он получил деньги на выборы. Параллельно Абель нашел множество сведений об антисоветских взглядах и высказываниях Трумена. Передав эти сведения резиденту, Абель вернулся назад в Нью-Йорк. Через несколько дней ему пришлось писать некролог на безвременно ушедшего из жизни сенатора, попавшего под машину. Поговаривали, что и водитель, и сенатор были изрядно навеселе, хотя официально сообщалось о несчастном случае.

По возвращении в Нью-Йорк его ждало новое задание: поддерживать связь с физиком Ферми. Подвижный и разговорчивый, типичный итальянец Энрико Ферми быстро подру-

---

¹³ Автор знает, как было на самом деле.

¹⁴ По некоторым данным, Трумена можно считать схожим со скандально известным российским политиком В. Жириновским.

жился с Рудольфом. Он категорически отказывался уезжать из САСШ, но согласился сотрудничать с Абелем и передавать ему сведения о работе, ведущейся в области атомной физики.

Уже на третьей встрече Ферми заметил, что в последнее время ассигнования на исследования увеличены в меньших размерах, чем ожидалось. Ходили слухи, что правительство собирается начать какой-то новый большой исследовательский проект, который и получит максимальное финансирование. Для участия в проекте уже приглашены А. Эйнштейн и несколько ученых из Колумбийского и Чикагского университетов, в том числе Э. Теллер из Чикаго. Все попытки Ферми узнать подробнее о теме проекта закончились неудачей. Кроме того, его вызвали в местное отделение Федерального бюро расследований и попросили заняться своими, весьма важными для США исследованиями, а не соваться в чужие дела.

Полученные сведения оказались настолько важными, что Абелю пришлось организовать встречу Ферми с новым резидентом советской разведки в САСШ.

Конечно, Абель не знал его истинного имени и места работы. А между тем это был недавно приехавший в посольство на должность третьего секретаря из СССР Василий Зарубин. Естественно, Абель и не подозревал, что Зарубин только недавно, в начале пятидесят третьего года вернулся из США, где был резидентом разведки с октября сорок первого года, в СССР.

Средних лет, явно имевший большой опыт разведывательной работы в САСШ, «Максим» в короткие сроки активизировал работу сети разведки. Абель заметил это по увеличившемуся количеству заданий и по конкретизации поставленных задач.

Встреча Энрико и «Максима» (представленного Ферми в качестве одного из друзей СССР в Штатах) прошла в небольшом итальянском ресторанчике неподалеку от Бродвея. Во время разговора «Максим» сумел заставить Ферми вспомнить несколько мелких подробностей, оказавшихся весьма важными. Вспомнив их, Ферми вдруг понял, что наиболее вероятным направлением проекта может быть исследование природы времени, и сказал об этом «Максиму».

А уже дома, анализируя разговор, Абель пришел к выводу, что возможным местом расположения лабораторий проекта могут быть окрестности Санта-Фе. Конечно, он сразу же рассказал о своей догадке резиденту, надеясь, что его (Абеля) отправят проверить ее правильность. Но увы, он получил благодарность и приказ продолжать сотрудничать с Ферми.

Позднее стало известно, что выбор места для проекта поручили Сцилларду. А тот неожиданно вспомнил о разговоре с Р. Оппенгеймером, описавшим ему пребывание в изолированном пансионе для мальчиков в Лос-Аламосе. Причудливы пути судьбы! Самым смешным было то, что аптека в городе Санта-Фе (неподалеку от Лос-Аламоса) была прикрытием для агента советской разведки¹⁵. Имея сведения о беспрецедентных мерах безопасности при разработке атомной бомбы в прошлой реальности, советская разведка получила великолепный подарок для проникновения в секреты действующего проекта.

Штутгарт. Дом советника концерна «Бош А. Г.» Гёрделера

Собравшиеся в доме Гёрделера господа были настроены очень серьезно. Впервые после прихода Гитлера к власти множеству людей стало абсолютно ясно, что проводимая им политика привела Германию к краю пропасти. Начавшееся наступление русских и налеты их неуязвимых для ПВО Германии бомбардировщиков наглядно подтверждали этот тезис. Именно этот факт объединил всех – правых и левых, сторонников договора с Англией и сторонников договора с СССР, желающих уничтожить национал-социалистическую партию,

---

¹⁵ Реальный факт. В действительности проект, над которым работали в Лос-Аламосе, был посвящен разработке атомного оружия, а не исследованию времени. Полагаю, понятно, почему автор пошел на такое изменение реальности: имея перед глазами темпоральный перенос целой страны, американцы не могли не начать таких исследований.

желающих вернуться к Веймарской республике и желающих сохранить все то полезное, что, по их мнению, было создано наци. Шло тщательное и серьезное обсуждение конкретных планов захвата власти. Но, несмотря на объединение, разногласия все же сохранялись. Меры по отстранению Гитлера предлагались разные. Наиболее радикальная партия стояла за убийство, другие предлагали всего лишь арест. В конце концов победили все же сторонники крайних мер, получив большинство голосов. Решающим стало эмоциональное выступление Хеннинга фон Трескова, в котором он заявил:

– Покушение должно произойти любой ценой. Даже если мы потерпим неудачу – надо действовать. Ведь практическая сторона дела уже ничего не значит; важно то, что германское сопротивление пошло на решительный шаг перед глазами всего мира и истории. По сравнению с этим все остальное значения не имеет.

Выполнение акции было поручено полковнику фон Трескову и его адъютанту Ф. фон Шлабендорфу. Планировалось взорвать Гитлера, когда тот прибудет в штаб группы армий «Центр». На всякий случай были подготовлены два запасных варианта. Согласно одному из них, бомбу должен был установить Фрайхер фон Герсдорф на выставке трофейного вооружения из России. Согласно другому – захватить или убить Гитлера должна была группа егерей из подготовленного для Норвегии пополнения под командой обер-лейтенанта Вернера фон Хафтена во время поездки фюрера в Цоссен.

Большие споры вызывал также состав правительства. «Правые» предлагали выбрать президентом Бека, канцлером – Гёрделера, а верховным главнокомандующим – Браухича. Новое правительство, по их мнению, должно было попытаться заключить мир с Великобританией при посредничестве США. Таким образом появится возможность избежать наихудшего, по их мнению, варианта исхода войны – вторжения на территорию Германии армии СССР.

«Левые» же предлагали на место канцлера вместо антикоммунистически настроенного Гёрделера социал-демократа Юлиуса Лебера, согласного на сотрудничество с коммунистами и ведение переговоров в первую очередь с СССР. Однако они оказались в меньшинстве и были вынуждены согласиться с доводами «правых» о том, что после заключения мира с Великобританией можно будет начать и соответствующие переговоры с русскими с более сильных позиций. Несмотря на соглашение, представитель «левого» крыла Шахт все же заявил, что считает кандидатуру Гёрделера приемлемой только на переходный период.

Уже позднее выяснилось, что сторонники мира с СССР все же подстраховались. Действуя через Риббентропа и Мюллера, они во время переворота тайно освободили Тельмана из берлинской тюрьмы Плетцензее и переправили в Швецию. Там он провел от их имени переговоры с послом СССР в Швеции Коллонтай.

Вот так, под грохот русских бомб и реактивных бомбардировщиков, под гром русской артиллерии, во время наступления на всем протяжении Восточного фронта началась самая волнующая в мире охота – охота на человека. А то, что фамилия этого человека Гитлер, только придавала ей еще больше азарта и легитимности в глазах большинства населения земного шара...

На 20 июля в Цоссене было назначено очередное совещание о положении дел на фронтах. Адольф Гитлер выехал туда из рейхсканцелярии в сопровождении обычной небольшой охраны из «Лейбштандарта». Недалеко от деревни Вюнсдорф кортеж Гитлера попал в засаду, но командовавший егерями обер-лейтенант фон Хафен допустил одну принципиальную ошибку. Стремясь прежде всего захватить Гитлера, он приказал не открывать огонь, а просто остановить кортеж. Эсэсовцы из «Лейбштандарта» оказались подготовлены не хуже егерей «папаши Диттля», разбавленных, кроме того, новобранцами. Они среагировали правильно, и машине Гитлера удалось прорваться. Оставшиеся охранники были уничтожены группой фон Хафтена, но понесшие в бою потери и потерявшие время егеря уже не успевали

догнать прорвавшийся автомобиль. Самое же обидное, что пулями была повреждена радиостанция группы, и они не могли сообщить о своей неудаче.

Ворвавшийся на территорию командного пункта в Цоссене автомобиль Гитлера производил страшное впечатление. Весь в отметины от пуль, с остатками резины на заднем правом колесе, с трудом поддающийся управлению, он едва не снес шлагбаум КПП.

Как только автомобиль остановился и адъютант помог Гитлеру выбраться из машины, к нему устремились Кейтель, Браухич, Бок и... фон Тресков. Последний приостановился, неожиданно выхватил у стоявшего рядом солдата охраны MP.38, быстро передернув затвор, выпустил очередь в Гитлера и окружающих. Повезло Кейтелю и Боку – из-за слишком длинной очереди пистолет-пулемет задрался вверх и пули лишь слегка зацепили их. Гитлер же и его адъютант Г. Николаус фон Белов, Браухич и двое подбежавших ефрейторов охраны получили по несколько пуль каждый. Скрикошетиравшими от кузова автомобиля пулями ранило нескольких офицеров и солдат. Подскочившие солдаты охраны штаба расстреляли фон Трескова в упор, не обращая внимания на приказ Бока, запрещающий стрельбу.

Неудачи прямо-таки преследовали заговорщиков в этот день. С запозданием узнав о смерти Гитлера, они не успели арестовать Гимmlера и Бормана. Геббельс, когда его пришли арестовать, покончил с собой, приняв яд. К тому же выяснилось, что многие из высшего командного состава армии отнюдь не одобряют убийства Гитлера. Воспользовавшись этим, группа «левых» во главе с Юлиусом Лебером выступила с воззванием. Их поддержала часть армии во главе с фон Бокком, не принявшая убийство Гитлера, но не поддержавшая и его преемника Гимmlера. Выяснилось, что главнокомандующий войсками во Франции генерал-фельдмаршал Витцлебен и главнокомандующий войсками в Бельгии генерал фон Фалькенгаузен также принадлежали к заговорщикам. Ими были арестованы все крупные чины СС и люфтваффе, способные поддержать Гимmlера и Геринга. Флот же во всеуслышание заявил о своем нейтралитете и готовности поддержать любое «правительство, выражающее волю народа Германии».

Интерлюдия

Да, такого сенсационного времени, как то неожиданно холодное лето 1941 года, не было давно. Сначала поступили новости о давно ожидаемом нападении Германии на СССР. Зато потом началось нечто невообразимое и весьма приятное для любого журналиста, редактора газеты или радиовещательной корпорации, а также для всех любителей новостей.

Первыми появились сведения о внезапном захвате русскими части территории Восточной Пруссии, Финляндии и самое сенсационное – Японии. Последнее было труднообъяснимо, так как если в Европе большевики захватили сравнительно «небольшие» территории, то захват протянувшихся на несколько тысяч километров Курильских островов требовал больших десантных сил. Мало того, эти силы должны были иметь невиданный ранее уровень координации. Новости же об огромных реактивных бомбардировщиках русских, безнаказанно бомбящих немецкие и бывшие польские города, об ордах большевистских танков с огромными пушками, сверхпрочной броней и огромной скоростью, непринужденно «закусывающих» хваленными немецкими панцерами, еще недавно победно прошедшими через всю Европу, – это была настоящая сенсация!

Во всем мире резко выросли тиражи газет, а также взлетели продажи карт, глобусов и атласов. Букмекеры во многих странах, как нейтральных, так и воюющих, резко перекалифицировались и принимали ставки уже не на скачки, теннис и тому подобную ерунду, а на время, за которое большевики выйдут к Ла-Маншу. Самые оптимистично настроенные предсказатели давали Германии не более полугода, а пессимисты вообще ставили на тот день августа, когда русский Иван помоеет сапоги в Английском канале. Наиболее популярной почему-то была дата 8 августа...

С не меньшим интересом весь мир следил за тем, как будут изворачиваться самураи. Потеря северных территорий грозила Японии потерей лица, но уроки Номонгана и Хасана показывали истинное соотношение сил двух стран. Завязавшая в Китае, абсолютно уступающая технически и материально своему противнику Япония, по общему мнению, не имела шансов на успех, но все же большинство считало, что простыми стычками на границе захваченных территорий дело не закончится. Все помнили, как японцы отомстили русским за захват Порт-Артура.

Потом стало еще интереснее. В Германии, прежде единодушно поддерживавшей своего фюрера, вдруг произошел военный переворот. Гитлер был убит, к власти попытались прийти вдохновители его убийства, а против них выступили уцелевшие сторонники прежнего режима во главе с Гиммлером и часть армии, выступающей против заговорщиков и против гитлеровцев. И все это происходило под аккомпанемент русского наступления.

Еще было несколько, правда впоследствии вроде бы не подтвердившихся, сообщений о прибытии в Сан-Франциско и Гонконг, Шанхай и Манилу кораблей, команды которых якобы уверяли, что они приплыли из СССР, но 1953 года...

Да, поистине холодное лето 41-го стало горячим для журналистов и политиков.

Вашингтон. Белый дом

В Овальном кабинете Белого дома происходило одно из тех судьбоносных совещаний, которые в это время проходили во многих странах мира. Президент Рузвельт, его советник Гарри Гопкинс, госсекретарь Корделл Хэлл, вице-президент Уоллес, военный министр Стимсон, морской министр Нокс, глава вновь созданного Управления стратегических служб У. Донован, начальник ФБР Г. Гувер, адмирал Гарольд Старк, начальник штаба ВМФ и генерал Маршалл, начальник штаба армии, определяли курс корабля под названием Соединенные Штаты в бурном и, главное, резко изменившемся мировом политическом океане. Казалось, уже predetermined порядок вещей нарушился, вновь полученные сведения были невероятны и требовали серьезного осмысления.

– Итак, господа, мы имеем следующее, – докладывал Донован. – Корабли «Си Мью» и «Мартлет» действительно прибыли из СССР 1953 года. Это подтверждают судовые документы, найденные газеты и журналы. ФБР разыскало всех членов экипажей в нынешнем, так сказать, состоянии. Полученные сведения полностью совпадают с установленными в ходе допросов «гостей из будущего». Да, предлагается называть их «дубликантами»...

– То есть данные по Перл-Харбору, атомному проекту и Корейской войне можно считать достоверными? – перебил Донована Гарри Гопкинс.

– Исходя из имеющихся сведений – полностью, – ответил тот.

– Гарри, подождите, слушаем Билла, – заметил Рузвельт.

– Итак, исходя из подлинности полученных сведений, созданное под моим началом Управление стратегических служб планирует вести работу в четырех основных направлениях. Первое – исследование проблемы темпорального переноса. Данный проект курирует Управление стратегических проблем, кодовое наименование проекта «Геттисберг». Второе – создание супероружия на основе полученных данных от пришельцев и имеющихся разработок по данному вопросу. Этот проект относится к ведению Управления стратегических исследований, кодовое название оставлено тем же, которое называют дубликанты: «Манхэттен». Кроме создания атомной бомбы, данный проект будет служить и маскировкой для проекта «Геттисберг». Третье – продолжение работ по исследованию дубликантов и полученных от них сведений, разработка рекомендаций по преодолению выявленных проблем. Данный проект носит название «Соломон» и также относится к ведению Управления стратегических исследований. Четвертое направление – координация действий и анализ данных всех разведывательных управлений всех ведомств, самостоятельный сбор необходимых раз-

ведывательных данных. По полученным сведениям такую задачу в будущем получит так называемое Центральное разведывательное управление. Такое управление создается в рамках УСС и получает ту же область деятельности. Название проекта «Юдифь».

– Что же, я считаю, неплохо... Но хотелось бы иметь цельную картинку того, что нам известно, – сказал Рузвельт.

– На основе имеющихся сведений мы можем сказать, что начавшееся нападение Германии на СССР должно было привести к союзу между нами, Великобританией и СССР. Союзники должны были победить Германию в мае 1945 года, но затем между Россией и нами начинается так называемая «холодная война». Дядюшка Джо получил бы всю Восточную Европу, оградил ее «железным занавесом» и начал строить «мировую систему социализма». Германия была бы разделена на две зоны – западную и восточную, в которых будут созданы отдельные государства, – начал Донован.

– А Тихий океан? Япония? – перебил его Стимсон.

– Япония внезапно нападет на нас, затопив авианосной авиацией наш флот в Перл-Харборе, – продолжил Донован.

– Что!.. Но как? – Потеряв свою невозмутимость, адмирал Старк смотрел на Донована, как удав на кролика. – Объясните, сэр.

Внешне никак не отреагировав на выпад, Донован невозмутимо продолжил:

– По рассказам дубликантов, они торпедируют все линкоры, уничтожат авиацию и разбомбят все военные объекты на Оаху. Правда, по некоторым рассказам, наши авианосцы окажутся в море и уцелеют. Но японцы смогут захватить почти все острова на Тихом океане, Филиппины, Бирму, Сингапур, Голландскую Индию. Нам, Британии и Голландии, придется воевать с ними тоже до 1945 года. В августе 45-го года мы сбросим на Японию атомную бомбу, а русские нападут на Квантунскую армию. Японцы капитулируют, но русские при этом захватят Северную Корею, помогут установить власть коммунистов во главе с Мао Цзэдуном в Китае. Позднее их марионетки в Северной Корее развяжут войну против Южной Кореи, где мы будем помогать строить демократическое государство. Война начнется в 1951 году и будет продолжаться до 1953 года, причем китайцы помогут северным корейцам.

– Подождите, а почему японцы нападут на нас? Ясно, что у нас с ними много противоречий, но до сих пор они не привели к войне. Да и должны же они соображать, что наши силы, особенно в союзе с Британией, намного превосходят их? – забросал вопросами Донована государственный секретарь Корделл Хэлл.

– Вот тут сведения менее точны. Похоже, что японцы захватят вначале французские, голландские и английские владения. Мы в ответ на это введем эмбарго, и тогда они нападут, – ответил Донован.

– А Россия? Они и не собираются на нее нападать? Даже воспользовавшись нападением немцев? – спросил Гопкинс.

– Вроде бы они собирались напасть на Россию, но по примеру немцев предпочли вначале захватить дополнительные ресурсы, в результате чего начали воевать с нами, – ответил Донован.

– Объясните, как японцы могли применить авиаторпеды в Перл-Харборе? Вы уверены в точности этих сведений? Это практически невозможно! – перебил их окончательно потерявший терпение адмирал Старк.

– Полностью мы уверены только в одном – что эти люди действительно из будущего. Но по Перл-Харбору сведения точны. Вроде бы японцы доработали торпеды, кажется, установили дополнительные деревянные стабилизаторы, – ответил Донован. – Мы продолжаем собирать сведения, но сами понимаете, что это всего лишь рассказы неспециалистов, хотя несколько дубликантов и служили на флоте.

– Все ясно. Полученные сведения весьма важны, но уже не актуальны. По моему мнению, война с Японией в нынешней ситуации нам невыгодна. А при такой России – тем более. Наилучшим решением была бы война между Японией и Россией при нашем нейтралитете. Как и в начале Первой мировой, мы могли бы получать выгодные заказы для промышленности и понемногу развивать свои вооруженные силы, чтобы в подходящий момент бросить их на чашу весов. Выход Германии из войны и антирусская политика Черчилля также позволяют нам действовать на ситуацию в Европе опосредствованно, помогая Британии. Конфликт Британии с Россией неминуемо приведет к ослаблению и той и другой стороны. Это даст нам возможность укрепить свои позиции и в районах, контролируемых англичанами, – сказал Гарри Гопкинс.

– Не уверен, что Япония решится на войну с Россией. Они еще не забыли уроков Номонгана, а если учесть сообщения с русско-германского фронта о невероятных успехах русских... – заметил Дж. Маршалл.

– Вот поэтому мы должны заключить с ней соглашение о ленд-лизе и подтолкнуть к борьбе за возвращение утерянных территорий, – перебил его Корделл Хэлл.

– Не спешите, господа. Вы предлагаете союз с нашим соперником на Тихом океане, тоталитарным государством, союзником нацистов, готовящимся к войне с нами? – спросил Стимсон.

– Ну, во-первых, они всего лишь входили в Антикоминтерновский пакт. Во-вторых, они имеют возможность напасть не на нас, а на большевистскую Россию, которая несет угрозу одинаково и нам и им, – ответил Гарри Гопкинс и, покосившись на президента, продолжил: – А в-третьих, я бы попросил господина Гувера, если господин президент не возражает, поделиться результатами расследования по Особому списку.

Дождавшись утвердительного кивка Рузвельта, Герберт Гувер, глава Федерального бюро расследований, открыл свою папку и начал доклад:

– Согласно полученному от УСС списку, нами были проведены мероприятия по негласному розыску и проверке лиц, в нем указанных. Выяснилось, что несколько человек погибли в результате несчастных случаев или нападения грабителей. Среди последних – сенатор Трумен, который, по данным дубликантов, должен был стать президентом после войны. Кроме того, некоторые из этих людей выехали из страны. Например, в Швецию выехал физик Оппенгеймер, упоминавшийся дубликантами в связи с проектом «Манхэттен», а физик Понтекорво – в СССР.

– То есть кто-то, имеющий сведения о будущем, подобные нашим... – заметил Уоллес.

– Единственный возможный вариант – русские, – прервал его Гувер.

– Что ж, в свете полученных сведений, предложения Гарри должны быть приняты за основу нашей политики, – сказал Рузвельт. – Необходимо тщательно поработать с поддерживающими нас сенаторами и конгрессменами. Может, даже допустить утечку информации о полученных ФБР фактах. Также предлагаю скоординировать нашу позицию по европейским делам с англичанами. Как мне известно, они планируют высадку своих войск на континент с целью оказания помощи антигитлеровским прозападным силам. Необходимо оказать им всю возможную поддержку. Мне кажется, можно даже передать им часть вооружения со складов армии. Обязательно отменить эмбарго на поставки металлолома в Японию. Но за все эти преференции мы должны получить четкие гарантии неприменения этих вооружений в Китае, а лучше всего заключения перемирия между Токио и Чунцином. Сразу после начала боевых действий надо будет нажать на Токио для недопущения оккупации Южного Вьетнама.

– Кроме того, с учетом сведений о нападении на Филиппины и довольно длительном сопротивлении наших войск необходимо усилить там оборону. Предлагаю срочно отправить туда наиболее подготовленные пехотные дивизии, например четвертую, седьмую и восьмую,

а также танковую бригаду и части береговой обороны. Таким путем мы подстрахуемся от возможного удара японцев, – предложил Маршалл.

– Может быть, вообще договориться с японцами о разделе Вьетнама на зоны влияния и добиться от французской администрации разрешения на ввод на юг часть наших войск с Филиппин? – предложил Корделл Хэлл.

– Вы представляете, что со мной сделает конгресс? Да и пойдут ли на это французы? Хотя идеи, конечно, хороши, проработайте конкретнее, – закончил разговор Рузвельт. – Итак, господа, приступаем к делу. И да поможет нам Бог!

Глава 4. Слышу голос из прекрасного далека...

(Июль – август 1941/53 г.)

Франция. Тюйес-ле-Бен— Пор-Вандр – Виши

Высланное из Виши полпредство (посольство) СССР во Франции обосновалось в небольшом курортном местечке Тюйес-ле-Бен на испанской границе. Живописный ландшафт горной долины, поросшей сосновым лесом, опрятные корпуса водолечебницы, стоящей на берегу бурлящей горной речки, вся феерическая красота этого места отнюдь не успокаивала ни посла Богомолова Александра Федоровича, ни сотрудников посольства. Все они переживали чувства беспокойства и заброшенности. От тяжелых мыслей и неизвестности немного отвлекали только занятия, организованные по решению посла для всех сотрудников посольства, а также их детей. Сам посол читал лекции по истории и философии. Несмотря на постоянную слежку жандармов и шпиков в штатском, правительство Петена, похоже, забыло о советском представительстве, даже сопровождающий их протокольник давно уже не получал никаких распоряжений от Министерства иностранных дел.

Скудное питание, неизвестное будущее, отсутствие вестей с Родины не мешало трем сорванцам из посольства, среди которых был и сын посла Сергей, вести себя как все мальчишки во все времена – играть в лесу, гонять на велосипедах по городу и берегу реки, купаться и часами следить за форелью, выпрыгивающей из воды. Конечно, они не были совсем уж беззаботными, но детство есть детство. В то же время они внимательно присматривались ко всему происходящему вокруг, пытались общаться с местными подростками, узнавать новости. Правда, мешал этому и языковой барьер, и жандармы. Но, несмотря ни на что, мальчишки сумели подружиться со своими сверстниками. Так им удалось первым узнать о том, что в России происходит что-то странное, а позднее один из живших в Тюйесе испанцев (бывших республиканцев, бежавших во Францию после победы Франко) сумел незаметно для жандармов рассказать на ломаном русском о крупных победах Красной Армии в боях с немцами. Прибыв к отцу, Сергей рассказал новость, которую все встретили с радостью и некоторым недоверием.

Впрочем, косвенное подтверждение этому они получили довольно скоро – появившийся в доме, где разместили посольство, протокольник де Арк, полноватый человек с баронским титулом и кислым выражением лица, сообщил послу, что получены новые инструкции и посольство снова переедет в Пор-Вандр. Богомолов заметил, что трехдневное пребывание в вагонах на станции этого городка отнюдь не самое приятное воспоминание. Барон ответил, что приняты все меры и для них уже выделено специальное здание в городе, а для переезда будет прислан специальный состав. Кроме того, в Пор-Вандр ожидается приезд советского дипкурьера, который должен прилететь в Виши на самолете.

Новости были неожиданные, но приятные. Понятно было, что дела немцев очень плохи, раз Петен согласился на прилет советского самолета и перебазировать посольство поближе к своей «столице». Правда, не совсем понятно было, зачем для прилета всего лишь курьера наши используют какой-то новейший самолет, способный преодолеть огромные расстояния над захваченной врагом территорией. После краткого совещания сошлись на мнении, что случилось нечто действительно важное.

На следующий день на станцию был подан состав из относительно новых, сравнительно удобных вагонов так называемого международного класса. Таких вагонов в Виши было очень мало, и этот состав, а также резко изменившееся отношение жандармов еще раз подтвердили полученные новости. В пути предупредительные проводники чуть ли не бегом выполняли любую просьбу, а на одной остановке в вагон посла принесли ворох газет –

французских, а также (о, чудо!) швейцарских и даже несколько более старых американских. Особенно поражали сведения из Германии о гибели Гитлера, крупном наступлении русских и борьбе между различными группировками немецких войск. Чтение газет настолько всех увлекло, что никто не заметил, как поезд прибыл в Пор-Вандр. Там их ждало еще несколько сенсационных новостей: ожидавший их специальный представитель Министерства иностранных дел сообщил о том, что они возвращаются в Виши и что прибыл курьер советского министерства. Вскоре подъехал и он сам с напарником. Вышедший из машины курьер заставил побледнеть и зашептаться почти весь женский состав посольства, да и многих мужчин. Из машины вышел человек, до неприличия похожий на сына посла, повзрослевшего лет на пятнадцать.

Посол, казавшийся абсолютно спокойным, встретил его у своего вагона. Но и он, как и окружающие его сотрудники, не смог удержать изумленного возгласа, когда курьер представился:

– Богомоллов Сергей Александрович, специальный дипломатический курьер Министерства иностранных дел СССР.

Разговор продолжился уже в купе посла, где два Сергея практически неотрывно смотрели друг на друга. Полученные от курьера сведения были настолько фантастическими, а само потрясение от встречи с точной копией сына, повзрослевшего на двенадцать лет, настолько сильным, что послу пришлось пить успокоительное. Но еще большим потрясением для него было узнать о будущем, которого уже не будет, и о себе самом, занимавшем важный пост в МИДе.

Дополнительная проверка, проведенная по приказу Берии, удалась на славу...

Прибыв в Виши, посольство СССР разместилось уже не в маленьком тесном здании (из-за чего прежде совещания часто приходилось проводить на квартире посла), а в специально освобожденном для них комплексе одного из санаториев. По всему было видно, что Петен и его окружение, просчитав все возможные варианты, решили сделать ставку на немецких сторонников восточного направления и СССР. Первые же встречи с новым министром иностранных дел Виши генералом Антуаном Бетуаром, сменившим адмирала Дарлана, полностью подтвердили эти догадки. Он сказал, что в правительство приглашен Жорж Бидо, популярный французский левокатолический политик, после освобождения из плена проживавший на оккупированной территории, а также знаменитый журналист д'Астьер де ла Вижери. Оба они были известны послу как противники мира с Германией.

Еще одним потрясением для посла и его сопровождающих стал огромный четырехмоторный самолет Ту-70, с трудом размещенный на считавшемся первоклассным военном аэродроме неподалеку от Тулона. Богомоллов поехал туда, чтобы проводить улетающих в Советский Союз курьеров, везущих ответ посла, часть персонала посольства и всех детей. Кроме советских граждан, с этим же самолетом улетали трое поляков-коминтерновцев, пожилая пара и молодой человек, которых посол сумел при отъезде из Виши внести в списки сотрудников посольства.

В послании, отправленном А. Богомолловым на родину, сообщалось, что правительство Виши, напуганное изменениями обстановки в мире, отнюдь не горит желанием восстанавливать отношения с англичанами, помня об операции «Катапульта». Конечно, вишисты предпочли бы сговориться с САСШ, но они великолепно понимают, что американцы ничем им помочь не успеют. К тому же практически очевидная победа просоветских сил в Германии, с которой вишисты наиболее сильно связаны, также подталкивает их в этом направлении. Исходя из анализа обстановки во Франции и в мире, а также полученных инструкций, посольство СССР во Франции будет оказывать влияние на правительство Виши с целью создания на его базе правительства «народного фронта», с удалением наиболее реакционных элементов и постепенной заменой их прогрессивными силами.

Берлин. Дом генерала Паулюса. Принц-Альбрехт-штрассе, 8

Первый обер-квартирмейстер Генерального штаба генерал-лейтенант Паулюс, только что приехавший домой со службы и планировавший немного отдохнуть вместе с семьей, был раздосадован раздавшимся в прихожей звонком. Горничная, отправившаяся открывать дверь, что-то задерживалась, и Паулюс, раздраженно ворча, стал подниматься из-за стола. В этот момент в кабинет ворвались несколько эсэсовцев с пистолетами и автоматами на изготовку. Вслед за ними вошел оберштурмбаннфюрер СС.

– Генерал Паулюс? Согласно распоряжению бригаденфюрера Шелленберга, вы арестованы за сотрудничество с коммунистами и пораженческие настроения. Вот ордер, – сказал он, даже не представившись.

– Что?! Какое сотрудничество, что за выдумки! – крикнул Паулюс, пытаясь подойти к телефону. Однако эсэсовцы были настороже и схватили его раньше. На глазах у заплаканной жены генерала вывели из дома и, усадив в одну из прибывших машин, увезли на Принц-Альбрехт-штрассе.

Там генерала ждали камера в подвале и долгие допросы у следователя. На них Паулюс узнал, что он, оказывается, выступает по большевистскому радио в Москве, рассказывает о поражении Германии в войне с Россией, о полном разгроме вермахта, об установлении в Германии социалистического строя и о хорошем отношении русских к пленным, чему он якобы является наглядным примером. На все возражения, что он никак не может быть в России и что это какая-то провокация русских, следователь либо смеялся, либо грязно ругался. Правда, санкции на третью степень допроса у него, похоже, не было и никаких пыток к Паулюсу не применяли, но по поведению следователя было понятно, что такие меры уже на подходе.

А однажды, еще раз получив в ответ на все вопросы очередную порцию заверений в полной невиновности, следователь вызвал кого-то из коридора. В кабинет втокнули страшно изуродованного человека. Следователь объяснил, что это – матрос из экипажа судна «Ганс Вольф», коммунист, свидетель по его делу. Обреченно глядя на Паулюса, человек, кривясь от боли и пришепывая из-за выбитых зубов, рассказал, что, попав в плен к русским, генерал-фельдмаршал Паулюс стал сотрудничать с ними и с Комитетом освобождения Германии, а также преподавать в русской академии Генштаба.

Паулюс попытался возражать, но следователь приказал увести свидетеля и, повернувшись к Паулюсу, заорал:

– Ты свинская собака! Не виноват, да?! Ты и все такие, как ты, ухитрились проиграть войну, предать Германию и фюрера, перейти на сторону врага! Ты сдал русским под Сталинградом трехсоттысячную армию и вместо того, чтобы застрелиться, трусливо сдался сам. Пусть этого еще не произошло, но нам уже известна твоя гнилая трубка! Не может быть, чтобы такое произошло внезапно. Наверняка с тобой связаны еще многие предатели! И ты о них нам выложишь всё! Или добровольно, или после обработки, как и этот «герой». А иначе мы не только изуродуем и расстреляем тебя, но и отправим в концлагерь всю твою семью! Ты... жид затаившийся... понял или нет?! – Затем следователь вызвал конвой и приказал увести Паулюса в камеру, добавив, что даст ему подумать несколько дней.

Видимо, у следователя было множество иных дел, потому что несколько дней растянулись надолго. И это стало спасением для Паулюса, хотя он, сидя на нарах и переживая за семью, об этом еще не знал. Время, разбиваемое на части только подъемом-завтраком-обедом-ужином-отбоем, тянулось очень медленно. Кормили отвратительно, но терзаемый кошмарными мыслями Паулюс не замечал, что он ест, и почти не спал ночами.

Все переменялось одним прекрасным вечером. У дверей камеры послышались звонкие шаги подбитых гвоздями армейских сапог, и в открытую дверь вошли двое старых знакомых

– генерал Фромм и майор Отто Ремер в сопровождении нескольких солдат из части армии резерва, вооруженных чешскими винтовками. Генерал Фромм рассказал Паулюсу последние новости об убийстве Гитлера, о раздорах среди заговорщиков и о создании в Берлине правительства национального спасения во главе с президентом Бекем и канцлером Лебером. Это правительство объявило амнистию всем «левым» партиям, а также призвало к сотрудничеству всех «настоящих национал-социалистов, не забывших, что вторым в названии партии стоит слово социализм». Одновременно ими были опубликованы несколько брошюр, в которых доказывалась социалистическая направленность как самой партии, так и раннего Гитлера, и признавалось, что его обманули ближайшие соратники. Этот гениальный ход позволил «левым» не только захватить власть в Берлине, но и получить поддержку армии и чиновников. Гиммлер, сохранивший верность старым принципам, и его «правительство» держались пока в Мюнхене, а сторонники союза с Британией – в Бельгии и частично в Генерал-губернаторстве, Греции и Югославии, но в трех последних местах они были заняты выживанием, борясь против Советской Армии и местных партизан. Правда, ходили слухи, что англичане все же высадили в Греции какие-то войска, скорее всего немногочисленные, так как итальянцы пока на мирные переговоры не соглашались.

Северо-Американские Соединенные Штаты. Нью-Йорк

Сэм Браун, клерк «Бэнк оф Нью-Йорк», хороший специалист и семьянин, высоко ценимый начальством, имел только одну слабость, которая не нравилась, однако, лишь его жене. Нет, он не был бабником и не пьянствовал в свободное время. Он был радиолобителем. На мансарде его дома была оборудована радиостанция, которой могли позавидовать самые продвинутые радиолобители того времени. А его гордостью были подтвержденные связи с экспедицией Папанина, радиолобителями в Австралии и особенно с радиостанцией в русском городке на Волге с почти непроницаемым названием Чебоксары. Развитие Чебоксар началось лишь во время войны, после того как туда было эвакуировано несколько заводов. До войны же это был маленький городок, который часто сравнивали с Кушкой. Так что такой сеанс радиосвязи был экзотикой похлеще связи с радиостанцией в джунглях Африки. Его старинный друг и соперник по этому хобби, Лайонелл Крэбс из Чикаго, завидовал Сэму черной завистью, но никак не мог добиться подобного.

Зато после 22 июня связь с радиолобителями в России стала весьма затруднительной. Похоже, что после нападения немцев им запретила выходить в эфир их политическая полиция, как ее, «гэпэу», кажется. К тому же связь с Чебоксарами всегда была неустойчивой, потому что у тамошнего радиолобителя был очень слабый передатчик. Но в одну прекрасную ночь, когда проходимость радиоволн была великолепной и Сэму удалось связаться с Веллингтоном, неожиданно в несколько ином диапазоне он поймал сильный и устойчивый сигнал с неизвестными позывными, передававшийся очень знакомым почерком. Это был, как оказалось, старый знакомец из Чебоксар. Небольшой сеанс, разговор ни о чем... Но окончание сеанса связи заставило Сэма вновь связаться с корреспондентом. Отмечая время разговора, тот поставил дату – 1953 год! Дальнейший разговор походил на театр абсурда. Радиолобитель из Чебоксар рассказал, что в России сейчас весна 1953 года, недавно умер их вождь Сталин, и они были очень удивлены новым нападением немцев, разбитых союзниками – СССР, США и Англией – еще в 1945 году.

Не удержавшись, Сэм поделился свалившейся на него сенсацией с Лайонеллом. Он же не знал, что тот был одним из пишущих редакторов «Чикаго трибюн» и очень интересовался неподтвержденными сообщениями о прибытии американских кораблей из СССР 1953 года...

На следующий день газета «Чикаго трибюн» вышла с сенсационными заголовками на первой странице:

«СССР перебрало к нам из будущего. Божья воля или дьявольский расчет?»

«Что скрывает Рузвельт?»

«Почему общественность ничего не знает о судьбе экипажа «Си Мью»?»

Газета расходилась «на ура», и к полудню пришлось допечатывать дополнительный тираж. Прибыль от продажи сенсационного номера превзошла все мыслимые ожидания.

Возможно, ФБР удалось бы вовремя пресечь утечку информации, но, как впоследствии докладывал Гувер президенту, совпало сразу несколько взаимосвязанных причин. Начальник отделения и его заместитель были в разъездах, а офицера, имевшего допуск к теме темпорального переноса, неожиданно положили в больницу с приступом аппендицита.

Поэтому газета разошлась беспрепятственно, вызвав море откликов, в том числе и по радио. Сенсационная новость разошлась по всей стране, оттеснив на время все остальные. Не растерявшись, команда Рузвельта сумела воспользоваться вроде бы неудобным для нее обстоятельством, организовав сброс информации о переносе во времени, будущей конфронтации с СССР и предотвратив возможность утечки сведений о возможной войне с Японией.

В результате поправка к закону о ленд-лизе, распространяющая его действие на Японию, прошла через палату представителей и сенат большинством голосов. Ее поддержали и сторонники, и противники президента, объединенные ненавистью к проклятым русским большевикам, которым, как оказалось, Америка помогала в войне с немцами и которые после победы, предпринятой высадкой англо-американцев в Европе, так неблагодарно выступили против своих союзников.

Расследование же обстоятельств, вызвавших утечку информации, привело к принятию закона о контроле над радиостанциями и другими средствами связи, потенциально способными использоваться в шпионских целях. Так что радиостанции мистера Сэма Брауна и Лайонелла Крэбса в числе других были опечатаны, из них были изъяты лампы выходного каскада усилителя, и теперь ни один из них не мог уже предаваться своему опасному для будущего Америки занятию.

Интерлюдия

Да, это была сенсация из сенсаций, на время оттеснившая с передовиц газет даже новости о вспыхнувшей второй русско-японской войне и о положении на русско-германском фронте. Очередной выкинутый русскими фортель поистине не лез ни в какие ворота. Суметь перенестись всей страной из будущего прямо в день начала войны, да еще и незаметно для всего мира! Американцы считали, что на это способен либо Бог, либо его извечный антагонист. Такое потрясение не выдержали многие человеческие умы, особенно из числа глубоко религиозных.

В Калифорнии (САСШ) некий Иеремия Джозеф Мэйдмен стал называть себя Джозефом Стиллманом и объявил, что ему открылась истина: «Ленин и Сталин суть новые воплощения Мессии, а коммунисты строят царство Божие на Земле. Все непокорные и неуверовавшие будут стерты с лица земли оружием, способным уничтожать миллионы людей и разрушать города». Первоначальный снисходительный тон сообщений о новоявленном пророке быстро сменился на нейтрально-уважительный, а число приверженцев новой секты стало исчисляться сотнями тысяч в Америке и в других странах после сообщений о применении русскими сверхмощных бомб, уничтоживших немецкие войска на балтийском острове и японский десант на Курилах. Новая церковь получила название Адептус Коммунизмус.

Исчадиями ада и пособниками сатаны объявила всех русских, попущением Божиим и вмешательством темных сил, перенесенных из будущего, Церковь адвентистов седьмого дня. В некоторых городах САСШ полиции пришлось разгонять многолюдные столкновения между адвентистами и сторонниками Адептус Коммунизмус.

На этом фоне почти незамеченными прошли сообщения о мирных советско-германских переговорах и о заключении перемирия на Дальнем Востоке. Впрочем, несмотря на переговоры, русские продолжали продвигаться по Европе, и лишь англичане в попытке спасти все, что удастся, высадили войска в Бельгии, Норвегии и Греции.

Муссолини в одной из своих очередных исторических речей заявил, что между итальянским фашизмом и русским коммунизмом нет непримиримых противоречий. Он подчеркнул, что Италия в тридцатые годы плодотворно сотрудничала с большевистской Россией и никакие идеологические противоречия им не препятствовали. Поэтому он призвал к переговорам с русскими и к заключению взаимовыгодных торговых и политических договоров.

Папа римский пока хранил молчание, но представитель римской курии при итальянском правительстве кардинал Споллето неофициально заявил, что курия не находит в данном явлении ни дьявольского, ни Божественного вмешательства. Это просто необычное природное явление, случившееся попущением Божьим, отметил кардинал, разговаривая с корреспондентами газет «Оссерваторе Романо» и «Нью-Йорк таймс».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.